

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

ДЕСАНТНИК

Дорога в Москву

Военно-историческая фантастика

Олег Таругин

Десантник. Дорога в Москву

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таругин О. В.

Десантник. Дорога в Москву / О. В. Таругин — «Махров»,
2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-104379-7

Третья часть цикла «Десантник». Возвращение сержанта разведроты ВДВ Алексея Степанова и его боевых товарищей в свое время откладывается. Спецназовцы получают от своего командования новый приказ – необходимо любой ценой доставить в Москву информацию из будущего. Казалось бы, ничего особо сложного: броню бойцов не способны пробить пули и осколки, а их плазменные винтовки с легкостью уничтожают танки и самолеты. Однако на дворе всего лишь июль 1941 года. Блицкриг пока не выдохся, Вермахт все еще силен, и переправившиеся через Березину гитлеровцы внезапно начинают новый прорыв, а на след таинственных «гостей» становятся элитные немецкие егеря.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104379-7

© Таругин О. В., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	28
Интерлюдия	33
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин **Десантник. Дорога в Москву**

Несмотря на то, что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по-возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru).

Спасибо большое, друзья!

Пролог

Земля-ноль, недалекое будущее

Лейтенант полиции Александр Локтев, получив табельное и расписавшись в электронном журнале, привычно плюхнулся на сиденье патрульного «УАЗа». Сине-белая автомашина, негромко урча мотором, вырулила на улицу, отправившись по маршруту.

Первая половина дежурства прошла без эксцессов – «беспорядки нарушать», как выражался приснопамятный армейский взводный, никто из добропорядочных и не очень граждан пока что не стремился, и полицейским удалось спокойно перекусить и попить кофе в круглосуточной кафешке. Близились самые паршивые время, «собачья вахта», поскольку сегодня выпало патрулировать с полуночи до восьми утра, так что стоило быть в форме. Наполнив бодрящим напитком литровый термос – знакомые официантки уже привыкли к подобному и кофе «с собой» порой наливали бесплатно, – экипаж продолжил движение. Однако не успел «уазик» проехать и пары кварталов, как в динамике радиостанции раздался голос дежурного по отделу:

– «Восемьсот четвертый», «Восемьсот четвертый», ответь «Байкалу»!

Санька снял с держателя манипулятор и нажал тангенту:

– «Восемьсот четвертый» на приеме!

– Где находитесь, «Восемьсот четвертый»?

– Улица Молодежная.

– Поступила информация по «Ноль-два». На заброшенной стройке, около дома двадцать четыре по улице Химической, слышны выстрелы. Необходимо проверить. Как приняли?

– «Восемьсот четвертый» принял, выдвигаюсь.

– «Восемьсот четвертый», по прибытии доложите обстановку.

– Принято.

Вернув манипулятор на место, Локтев пожал плечами в ответ на взгляды товарищей:

– Сами все слышали. Поехали, Вадик, тут от силы пять минут.

– Хреновое место, – перекинув передачу и притопив педаль газа, буркнул под нос водитель, сержант Лапин. – Ты ж там ни разу ещё не бывал?

– Нет. За то время, пока я в нашей роте, мне только мимо проезжать доводилось, – пожал плечами Санька. – А чего хреновое-то?

– Раньше бандюки его часто для своих разборок использовали. Стройка уж несколько лет заморожена, с тех пор как компания обанкротилась. Что можно было, местные еще в первые годы растащили по-тихому, остались только остов недостроенного здания да котлован под нулевой уровень второго. Здоровенная такая ямища, как снег сойдет, всегда на пару метров затопленная стоит, а как подсохнет, минимум один труп находят, а то и несколько. Нормальные люди туда уже давно не ходят, даже пацанва местная, а вот для всяких темных делишек там самое удачное место во всей округе. А сейчас, поговаривают, и вовсе кое-кто похуже кучкуется, пару раз даже фээсбэшники каких-то мутных типов брали, чуть ли не террористов. Короче, Сань, гиблое место, который год обещают зачистить, а воз и ныне там.

– Ого! Я и не думал, что подобные места еще в городе остались, – хмыкнул Локтев. – Прямо девяностые какие-то...

– Остались, куда ж им деться. Так что проверять надо очень осторожно... Ладушки, еще пару минут, и будем на месте.

Свернув на скудно освещенную улицу, застроенную доживающими последние годы хрущевскими пятиэтажками, патрульный автомобиль погасил проблесковый маячок и, проехав еще метров сто, остановился возле забора, ограждающего заброшенную строительную площадку. Свет фар высветил исписанные граффити серые бетонные блоки, в одном из которых

темнел приличных размеров пролом, кое-как затянутый проволокой. Никакого смысла в этом не было, поскольку одна из секций забора, расположенная десятком метров правее, оказалась и вовсе поваленной, открывая свободный проход на территорию стройки.

– «Байкал», ответь «Восемьсот четвертому».

– «Байкал» на приеме.

– Мы на месте. Пока тихо.

– Принято. «Восемьсот четвертый», я с «Енисеем» связался. Сняли «Девятьсот пятидесятого» с Ленинского района. Будет у вас минут через десять. Как понял?

– Понял. Водитель встретит.

– Они запросят, как на подходе будут. Будьте внимательнее.

– Принято.

Оставив Лапина у машины, патрульные, надев в дополнение к бронежилетам шлемы, до того мирно лежащие в багажнике (обычно их не использовали, оставляя валяться в машине или вовсе «забывая» получить, однако сейчас случай был, похоже, все-таки, особый), осторожно двинулись вперед. Дверцами, разумеется, не хлопали – ночью звук далеко разносится. Подходя к забору, Локтев глянул на самого молодого члена экипажа – сержанта Сидорова. По характерному блеску глаз и неуверенным движениям Александр понял, что тот прилично напуган.

– Вить, ты чего это? Боишься, что ли? – усмехнулся лейтенант.

– Нет, конечно! – фальшиво возмутился Сидоров, вильнув взглядом. – Просто это... ну... может, все-таки стоит «Девятьсот пятидесятого» дожидаться? Омоновцев же на этом «Кавзике» человек по восемь в ночь катается, будет нам усиление. Да и вообще...

– Да ладно тебе! – ободряюще отмахнулся Локтев, пытаясь подавить внезапно накотившее беспокойство. – Слышишь же, что тишина на этой стройке. Сто к одному, бандюги – ну, или кто они там – свои терки уже порешали и смылись, оставив пару-тройку гильз да плавающий в котловане свежесработанный трупак. Так что наша задача – осмотреться и вызвать группу. Если, конечно, найдем чего.

Поймав себя на том, что на душе отчего-то становится как-то совсем уж нехорошо, Санька упрямо мотнул головой, и, сняв с плеча автомат, осторожно подошел к пролому в заборе. В который уже раз мысленно ругнувшись насчет того, что при заступлении на дежурство вместе с «укоротом» выдают всего два магазина, передвинул флажок предохранителя на одиночный огонь. С другой стороны, не на полноценную войну ж их отправляют, шесть десятков патронов к АКС-74У, случись что серьезное, вполне достаточно для краткосрочного боя с банальными бандитами, которые, почти наверняка, и в армии-то не служили. Вот когда энное количество лет назад он поехал в командировку в Дагестан, там выдавали полный БК по армейской норме, что вполне объяснимо, а тут – мирный город, так что нечего паниковать, пугая и без того изрядно перетрусившего Витьку. Кстати, нужно за ним приглядеть на всякий пожарный, а то мало ли что. Страх, а тем более паника в экстремальной ситуации штука крайне паршивая, а порой – и смертельно опасная...

Протопав по поваленной заборной секции, информирующей входящих о том, что некая Танька является женской особью семейства собачьих и дамой легкого поведения (разумеется, на самом деле все ограничилось тремя короткими словами, одним из которых было, собственно, имя), Локтев первым ступил на территорию заброшенной стройплощадки. Фонарь он пока не зажигал – висящая в небе полная луна давала достаточно света, чтобы осмотреться. Да и незачем сразу же привлекать к себе ненужное внимание, демаскируясь. Это Сидорову он со всей уверенностью впаривал про смывшихся бандитов, а в реальности все может оказаться куда серьезнее. Если там и на самом деле бандиты – слова Лапина насчет террористов и некие операции «фейсов» он на всякий случай запомнил.

На первый взгляд все выглядело вполне спокойно и мирно. Впереди, метрах в ста от забора, высился выгнанный до восьмого этажа ажурный железобетонный скелет недостроен-

ного дома, напоминающий декорации фантастического фильма, снятого в жанре постапокалипсиса. До внешних и внутренних стен дело так и не дошло, и остов несостоявшейся многоэтажки насквозь просвечивал в серебристом лунном свете, словно ребенок начал строить из элементов исполинского конструктора высотку, но быстро потерял к этому занятию интерес. Можно даже не искать кого-то среди несущих опор и межэтажных перекрытий, все как на ладони, так что с этой точки зрения здание безопасно. Но сама территория стройки прошедшему вздвэшную школу полицейскому категорически не понравилась.

Справа темным пятном выделялся заросший кустарником затопленный котлован, со стороны которого доносилось приглушенное расстоянием нестройное кваканье. Ну, это-то понятно, лягухи любой заболоченный водоем, пусть даже и пересыхающий в жаркое время года, за милую душу заселят, примером чему городской парк с его искусственным озером. Между забором и котлованом – двухметровые штабели бетонных панелей, сваленные в кучи сваи, лестничные марши и могучие двутавры, за прошедшие годы густо затянутые травой, груды строительного мусора, несколько бытовок с выбитыми окнами и дверями, еще что-то, вовсе уж неопределимое в темноте.

Твою ж мать, да тут не то что несколько человек, взвод можно спокойно спрятать! Или целую роту! Если бандюки их засекли, то сейчас заныкались куда подальше, и искать их можно аж до рассвета... особенно вдвоем. Может, прав Сидоров, и нужно дожидаться приезда «Девятьсот пятидесятого»? Двоих полицейских для безопасного прочесывания такой территории реально маловато, а вот восемь омонцев плюс они с сержантом, – вполне нормально. Тем более у парней автоматы с прочей экипировкой. Немного стыдно, конечно, могут подумать, что испугался, но еще в армии Локтева научили отличать иррациональный страх от допустимого риска. И решение дожидаться усиления обусловлено вовсе не страхом, а как раз нежеланием идти на ненужный риск. Вот если бы от их немедленных действий зависели, к примеру, жизни заложников, тогда совсем другое дело и любой риск допустим. А так? Вполне можно подождать обещанное подкрепление. Правда, если на стройке и на самом деле никого не окажется, глупо выйдет. И посмеиваться за его спиной будут долгонько – мол, струхнул де́сант, побоялся в темноте по пустой стройплощадке прогуляться...

Интересно, а что бы сказал на это его лепший армейский кореш Леха Степанов, с которым они вместе служили в славных Войсках Дяди Васи? И которого он всеми правдами и неправдами пытался потянуть следом за собой в школу полиции? Аргументируя тем, что отслуживших в десантуре там особо привечают. Но Лехинс, хоть и был сыном командира разведроты ВДВ, судя по наградам, нехило повоевавшего «за речкой», внезапно заупрямился, поступив, куда и собирался – на геологический факультет местного универа. И с тех пор постоянно пропадал по каким-то там экспедициям – или как там у геологов их походы правильно называются?

Встречались они с тех пор нечасто, максимум пару-тройку раз в год, а в крайнюю встречу, состоявшуюся буквально неделю назад, Степанов и вовсе вел себя как-то странно – отчего-то прятал взгляд, отделялся общими фразами, непривычно мало шутил и даже водки почти не пил. Еще и фразу какую-то непонятную бросил, в духе: ты, мол, Санек, поосторожнее на службе, на рожон особо не лезь, времена сейчас беспокойные. Правда, обещал все объяснить позже, но пока так и не перезвонил. Хотя это могло быть связано и с тем, что Леха не столь давно обженился и даже успел обзавестись потомством – на собственном примере Локтев отлично помнил, что подобные события бесследно не проходят, радикально меняя жизнь даже самых старых и верных друзей. У самого вон сынишке уж пятый год, а скоро у парня еще и сестренка, если УЗИ не ошибается, появится.

Эх, да какая разница, что бы именно Степанов сказал?! Его-то тут уж точно нет, и даже не предвидится! Так что принимать решение придется самому – и исключительно в одно рыло! Да и примет, делов-то! Можно подумать...

Поколебавшись еще пару секунд, лейтенант и на самом деле принял решение: они с сержантом скрытно добираются до ближайшего штабеля железобетонных панелей, скрывающего от взгляда нехилый кусок территории стройки, благо это всего метров двадцать отсюда. Там осматриваются еще раз и, если нужно, сообщают «Байкалу», что будут ждать ОМОН. Ну, или не будут – в зависимости от разведанной обстановки...

Поводнее перехватив «укорот», Санька сделал знак напарнику и решительно двинулся вперед. Беспокойства в душе меньше не стало, скорее наоборот, однако активные действия, как бывало не раз, притупили чувство опасности, отогнав его куда-то на второй план. Зыркнув в сторону командира тревожным взглядом, Сидоров послушно потопал следом, сжимая в руке невесть когда вытянутый из кобуры пистолет.

Благополучно добравшись до укрытия, полицейские остановились, осматриваясь. С этой точки стало видно стоящую неподалеку от недостроенного здания серебристую иномарку с погашенными фарами, возле которой находились несколько человек.

«Смотри-ка, не уехали-таки, – автоматически отметил Александр, прикидывая расстояние. – Метров семьдесят до них, может, чуть меньше».

Бросил взгляд на часы, по старой армейской привычке развернутые циферблатом к запястью. До прибытия омовцев осталось от силы минут пять, ну, плюс-минус, разумеется.

«Блин! Ну, и чего делать?! Идти – не идти?», – засомневался Локтев, вопросительно кивнув напарнику, на что тот лишь пожал плечами, мол, ты старший, сам думай.

Приняв решение, Александр придвинулся вплотную к товарищу и прошептал:

– Сейчас тихонечко шуруем вон до той бытовки, и укрываемся за ней. Если не заметят – переходим к следующему штабелю. Оттуда до них всего метров тридцать останется, глядишь, даже расслышим, о чем треплются. К этому времени как раз и подкрепление прибудет, как ты и хотел. Добро?

Напарник коротко кивнул.

– Не переживай, нормально все будет. Когда двинемся, пригибайся и не шуми. Главное, ногой ни за что не зацепись, а то знаю я такие места, тут наверняка полно строительного мусора валяется. Если что – падай и целься получше. Понял?

Сидоров снова кивнул, инстинктивно погладив рукой пистолет.

– Я иду первым, ты следом. Под ноги глядеть не забывай, – Александр аккуратно, чтобы ненароком не лязгнуть металлом, разложил автоматный приклад, внатяг зафиксировав на нем ремень. Вот так-то лучше, а то станет под рукой болтаться, еще зацепится за что-нибудь. Отстегнув клапан кобуры, вытащил из кармашка запасной пээмовский магазин и протянул товарищу.

– Держи на всякий пожарный, вдруг пригодится, мне и «калаша» хватит. Ну, нормально все? Тогда пошли!

Коротко махнув рукой, Локтев двинулся вперед, стараясь шагать как можно тише, сначала ощупывая подошвой берца место, куда собирался опустить ногу. До облезлой бытовки с давным-давно выбитыми небольшими окошками и раскуроченной дверью, некогда бывшей прицепным армейским кунгом, добрались быстро и без происшествий. Даже нервный Сидоров ухитрился ни за что не зацепиться, не упасть и не выронить табельное оружие.

«Топают, конечно, как конь, и травой нехило шуршит, но держится относительно спокойно» – мельком отметил Локтев, покосившись на сержанта. – Интересно, в каких войсках он служил?»

Следующая перебежка тоже не заняла много времени, и вскоре полицейские присели за вторым штабелем старых плит, оказавшимся более низким, чем предыдущий. Осторожно выглянув из-за укрытия, Санька осмотрелся, заодно пересчитав неизвестных. Пятеро, хотя, возможно, и больше – если еще кто-то сидит в машине. Впрочем, вряд ли, ежели тачка у них одна, то больше пяти рыл внутрь никак не влезет.

Двое торопливо запихивают в багажник что-то явно тяжелое, плотно завернутое в брезент, – уж не труп ли?! Хотя сомнительно, сверток уж больно угловатый и короткий, – еще один наполовину скрылся в распахнутой двери салона. А вот еще парочка – и это лейтенанту особенно не понравилось – определенно стоят на стреме в десятке метров от автомобиля, зорко поглядывая не столько по сторонам, сколько исключительно в его сторону. Охраннички, мать вашу! Оружия на виду не держат, но это ровным счетом ничего не значит. Тем более у одного из подозреваемых на плече вроде бы ремень просматривается, чуть ли не автоматный, точнее, правда, не рассмотреть, темно. Заметили? Нет, вряд ли, тогда бы уже подняли шухер, просто понимают, что опасности следует ждать именно отсюда, со стороны пролома в заборе.

Полицейский прислушался, без особого труда разобрав негромкий разговор «охранников». Обсуждали, судя по всему, недавний приезд их патрульной машины:

– ...уй его знает, что за тачка. Судя по мотору, легковая какая-то. Наверное, мимо просквозила, улица ж не тупиковая, – видимо, отвечая на заданный вопрос, ответил один из подозреваемых, тот, что повыше и поздравее.

– А если мусора по наши души прикатали? – с беспокойством в голосе спросил второй, отличавшийся хорошо различимой в темноте худобой и ростом на голову ниже первого. – Кто-то из местных мог выстрелы услышать и стукануть. Млять, и принесло ж этих бомжей так не вовремя!

– Да ладно! Тут до первых домов метров двести, даже больше, – отмахнулся от него здоровяк. – Если это менты приехали, то они бы уже точно где-то тут были. И мы б их фонари еще возле забора срисовали. Не по темноте ж им шариться, ноги ломать?

В этом месте полицейский мысленно усмехнулся: ага, в самую точку попал! Его хитрость со скрытным приближением вполне себя оправдала. А вот насчет бомжей уже интересно, похоже, без трупов все-таки не обошлось. А тела убитых небось в тот самый котлован, про который Лапин рассказывал, сбросили. Или в подвале недостроенного дома спрятали, он, судя по всему, должен быть достаточно обширным.

– Может, проверить? – неуверенным голосом осведомился второй, длинно сплюнув себе под ноги.

– Тебе надо – ты и проверяй, если очко играет. Мне оно на хрен не сдалось, – лениво бросил собеседник, оборачиваясь к автомашине. – Лысый, чего возитесь? Ждете, пока менты приедут?

Локтев снова взглянул на подсвеченный циферблат: пора бы уж и обещанному ОМОНу прибыть! Словно отзываясь на его мысль, за забором протарахтел и замолк автомобильный двигатель. Блин, они что, издеваются?! Неужели потише нельзя? Еще б мигалку с сиреной врубили и побибикали, подъезжая, для полного счастья!

«Охраннички» как по команде развернулись в сторону источника звука; в руках у одного тускло блеснул в лунном свете пистолет, другой выдернул из-за спины автомат, в точности такую же, как у Александра, «ксюху». Стоящий справа – тот, что предлагал сходить проверить – зло выкрикнул, обращаясь к возящимся возле багажника товарищам:

– Лысый, Крот, сто пудов мусора! Доигрались, б...! Я этот мотор знаю, на нем ОМОН катается! Сваливать нужно! Если с грузом примут, всем звиздец! Забыл, чего счас за терроризм бывает?! А если это вовсе и не менты никакие, а фейсы?! Спецтура ихняя? Положат всех на месте, даже сдаться не предложат! На хрена ты вообще в тех бомжаков стрелять начал?! Прибили б по-тихому, никто бы и не услышал! Может, сбросим закладку в воду, как этих уродов?

– Ша, не кипишуй, уже едем, – мрачно буркнул названный «Лысым», гулко захлопывая крышку. Голос его при этом ощутимо подрагивал. – Крот, лезь внутрь, заводи. И не дергайтесь, никакие это не чекисты, если бы тут ихняя спецтура окопалась, мы б об этом и не узнали даже, пока нас всех из автоматов не нашинковали! А если менты прикатали, пока то да се, нас здесь

уже всяко не будет. Они ж все по закону делают, сразу стрелять не начнут. Погнали, – он первым полез внутрь иномарки, двигатель которой уже заработал.

«А ведь могут и уйти», – с тревогой подумал лейтенант. – «Наши-то тянуть не станут, но пока сориентируются, пока сюда добегут, эти суки и свалят, позади здания наверняка проезд имеется. И груз увезут, а это вещдок. Да и вообще, судя по разговору, дело серьезное, похоже, никакие это не блатари, а кое-кто похуже. Упустим – быть большой беде. Наверняка в том бауле, что в тачку загрузили, взрывчатка или оружие. Нельзя их упускать, категорически невозможно!».

Заметив, как на корпусе «Моторолы» заморгал зеленый огонек, Александр принял окончательное решение:

«Все, пора! Раз вызывают, значит, «Девятьсот пятидесятый» уже выгрузился. Ничего, сейчас сами все услышат».

Выпрямившись, лейтенант звучно передернул затворную раму и удобно установил локти на верхнюю плиту штабеля, взяв на прицел обоих подозреваемых.

– Стоять! Полиция! Бросить оружие! – выкрикнул Санька, отметив щелчок затвора пистолета Сидорова, короткой перебежкой переместившегося на несколько метров в сторону и укрывшегося за невысокой горкой густо поросшего травой строительного мусора.

– Полиция! Руки вверх! – не менее впечатляюще рявкнул и сержант.

– А-а, б...! – заорал мелкий бандит, вскидывая оружие, ствол которого тут же озарился несколькими короткими вспышками. Одна из пуль, выбив искры из железобетонной плиты, с характерным жужжанием отрикошетила в темноту. Метко стреляет, гад! Интересно, где только научился, ведь пулял практически на звук? Ну, лови ответочку...

Палец Локтева трижды плавно надавил на спуск, по ушам привычно ударил звук автоматных выстрелов, и преступник, выронив оружие, рухнул там, где стоял. Против десантуры не попрешь, чему-чему, а уж стрелять их учили как следует! Да и всему остальному тоже, собственно...

Обостренное экстремальной ситуацией сознание автоматически отметило, что теперь все по закону, и устное предупреждение сделал, и огонь открыл только после первого выстрела в его сторону, так что прокуратура придаться не должна. Заодно и усилению сигнал подал, что тут все всерьез завертелось и стоит поторопиться.

В этот миг ударил автомат второго бандита – или теперь уже никакого не бандита, а самого настоящего террориста? – причем сразу очередью. Большая часть пуль прошла выше: противник, хоть и успел заметить вспышки Санькиных выстрелов, особенным опытом ведения огня из автоматического оружия, в отличие от товарища, определенно похвастаться не мог. Однако несколько все ж высекли из бетона искры, подбрасывая пыльные облачка раскрошенного камня, а одна и вовсе противно визгнула возле самого уха. Локтев торопливо отпрянул назад, укрываясь за штабелем. Вот так ни хрена ж себе у них тут войнушка началась! Лешке Степанову в его экспедициях подобное уж точно даже и не снилось! Колупает, поди, своим молоточком какие-нибудь там ценные камушки, а еще бывший десант!

В ответ справа торопливо захлопал пистолет сержанта, с третьего выстрела попавшего в цель: судорожно дернувшись, автоматчик выпустил из рук «укорот» и кулем осел на землю. Ай, молодец, напарничек, красиво бандюка положил! В темноте, пока еще далеко за спиной, что-то возбужденно кричали омовцы, врывающиеся на стройку через поваленную заборную секцию и рассыпающиеся по территории. Замелькали судорожные всполохи фонарей. Ну, почти успели... стоп, а куда это вы собрались, гр-р-раждане бандиты? Ну уж нет, такого уговора не было...

Водитель автомобиля, в салон которого к этому времени успели погрузиться остальные преступники, газанул, пытаясь вывести машину из-под огня. Снова вывернувшись из-за штабеля и заняв позицию, Локтев, целясь чуть выше переднего колеса, в быстром темпе отстре-

лял по сорвавшейся с места иномарке патронов десять. Звук мотора изменился, что-то звучно застучало, и автомобиль, резко вильнув в сторону, остановился. Санька не знал, что одна из выпущенных им по двигателю пуль, срикошетировав от головки цилиндра, пробила тонкий пластик «торпеды», завершив недолгий полет под глазом сидящего за рулем террориста. Из синхронно распахнувшихся задних дверей вывалились двое пассажиров, один из которых оказался вооружен автоматом. Причем не укороченным, а вполне полноразмерным армейским АКС-74.

«Твою мать! – мелькнула в голове Саньки короткая и злая мысль. – Уйдут ведь, сволочи! Пока усиление добежит, сквозанут куда-нибудь, ищи их по всей территории! Или в подвал нырнут! И не факт, что найдем, особенно в темноте!»

– Витька, прикрой! Перехвачу их, пока в эти руины не ушли!

– Понял. – Сержант, как раз закончивший менять отстрелянный магазин, звучно лязгнул затвором, приподнимаясь. – Готов. Давай!

Лейтенант рванулся вперед, боясь только одного – что зацепится за что-нибудь невидимое в траве и со всей дури навернется «мордой об континент», как говаривал Леха Степанов. Заметивший движение преступник вскинул автомат, успев даже дать короткую неприцельную очередь, но тут же был вынужден торопливо укрыться за корпусом парящей пробитым радиатором иномарки: со стороны прикрывающего бросок командира Сидорова часто захлопал ПМ.

Когда до автомобиля осталось буквально с десятков метров, пистолет сержанта замолчал: Витька расстрелял все патроны, и теперь ему требовалось несколько секунд на смену магазина. Того самого, что, словно по наитию, оставил напарнику Локтеву.

«Ничего, успеваю, – краем сознания отметил Александр, широкими прыжками сокращая расстояние. – Точно успеваю...»

И он почти успел. «Почти», поскольку, когда полицейский уже практически добрался до цели, навстречу ему развернулся увенчанный толстеньким цилиндром компенсатора автоматный ствол. Приподнявшийся над багажником бандит потянул спуск. Время, казалось, замедлило свой бег настолько, что Санька в малейших деталях рассмотрел картину. Вероятнее всего, последнюю, которую ему еще суждено было увидеть в этой жизни. Кривая ухмылка на лице обритого наголо здоровяка, того самого, кого товарищи называли «Лысым». Видавший лучшие времена – воронение кое-где вытерлось практически до металла, деревянное цевье исцарапано и обшарпано – автомат в его руках. Побелевшие от напряжения костяшки пальцев на спусковом крючке. Второй преступник, прихрамывая бегущий в сторону недостроенной многоэтажки...

И Локтев неожиданно и со всей остротой понял, что сейчас умрет. Насовсем. В эту самую секунду. Умрет, поскольку на таком расстоянии его бронежилет никак и ни при каких условиях не удержит автоматную пулю...

Выстрела он не расслышал, равно как и вообще не понял, кто и откуда стрелял. Просто голова террориста вдруг неестественно дернулась, заляпав пыльную крышку багажника темными брызгами. А следом, секунды через две, упал, раскинув руки, и его кореш, не успевший пробежать и десятка метров.

Шумно сглотив, Санька тяжело привалился к автомашине, до которой все-таки добежал. Ноги предательски дрожали. Руки, откровенно говоря, тоже. Да что там дрожали – ходуном ходили. В звенящей и совершенно пустой голове билась одна-единственная мысль: неужели это уже все? И он остался жив? А Витька молодец, ох какой молодец! Похоже, теперь ему проставляться – не перепроставляться, как минимум на ползарплаты, поскольку тот ему только что жизнь спас...

Уже утром, когда все так или иначе закончилось (точнее, когда приехавшие спец из ФСБ решительно отправили «смежников» восвояси, ненавязчиво сообщив, что дальнейшее – уже их забота), один из взбудораженных ночным происшествием омоновцев рассказал, что

вроде бы заметил пару неярких вспышек с одного из этажей заброшенного здания. Впрочем, в тот момент он на это внимания не обратил, поскольку и без того забот хватало. Тем более поначалу никто даже не сомневался, что обоих террористов и на самом деле положил успевший перезарядиться сержант Сидоров.

Но его слова так и остались не более чем словами, даже не вошедшими в рапорт. Да и зачем, собственно? Только лишние вопросы возникнут, причем не пойми с чьей стороны. Опасные преступники, и на самом деле оказавшиеся всамделишными террористами, занимающимися контрабандой в Россию оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ и связанные чуть ли не с местной ячейкой ИГИЛ¹, ликвидированы, личный состав не пострадал, все хорошо. А эти самые вспышки, к тому же еще и беззвучные? Привиделось, наверное. Когда в крови бурлит выброшенный экстремальной ситуацией адреналин, и не такое увидишь...

Ну а Леха Степанов?

А при чем тут, собственно говоря, вообще какой-то там Леха Степанов? Мало ли, почему человек в эту ночь дома не ночевал? Тем более любимая супруга ему даже слова не сказала, когда он под утро вернулся домой грязный и усталый. Спросила только: «Нормально прогулялся?» – и, получив утвердительный ответ, крепко поцеловала в губы, попросив не шуметь, чтобы не разбудить малыша.

Десантник же, спрятав подальше геодезический футляр с немецким оптическим прицелом внутри, отправился в ванную. И стоя под тугими струями душа, вспоминал тот давний – как ни крути, но чисто хронологически больше семидесяти лет прошло! – разговор с Володией Локтевым. Тот самый разговор, когда неожиданно выяснилось, что старлей – далекий потомок его армейского кореша Саньки, со слов лейтенанта, погибшего в начале двадцатых годов при задержании какой-то особо опасной банды. Сперва космодесантник никаких подробностей вспомнить не мог, но позже все-таки сумел дать небольшую наводку, позволившую Алексею достаточно точно высчитать дату случившегося. Повозиться, конечно, пришлось, да и подходящее оружие достать оказалось не столь уж легким делом, однако справился. Санька остался жив, значит, данное Локтеву-младшему обещание «подправить историю предка» можно считать выполненным.

Насухо растираясь полотенцем, Леха хмыкнул: похоже, менять историю становится его призванием! Впрочем, хватит, больше никаких хроновмешательств!

А теперь – спать, благо сегодня выходной...

¹ ИГИЛ – организация, запрещенная в РФ.

Глава 1

Сквозь заволновавшуюся поверхность межвременного окна неожиданно вышагнул – почти выпрыгнул – старлей Локтев, согнувшийся под тяжестью навьюченного на спину контейнера, снабженного специальными транспортными лямками.

Произошло это почти через час.

Судя по тому, что на помощь тут же кинулся кто-то из спецназовцев, весил контейнер и на самом деле преизрядно – вон как Володьку в сторону повело, едва не упал, бедолага. Да и размеры были соответствующие, в длину – около метра, в ширину и высоту – примерно вдвое меньше.

Но куда более интересным оказалось другое.

Не провисев и нескольких секунд, портал неожиданно потемнел – по его поверхности пробежала странная рябь – и исчез, словно его никогда и не существовало в природе. Собственно говоря, *теперь* его и на самом деле не существовало, ни в природе, ни, нужно полагать, во времени...

– ...Твою мать! – эмоционально сообщил сержант Родимов. И добавил, практически процитировав недавно сказанное летуном: – Командир, а вот это чего только что было?

Избавившись от груза, старший лейтенант облегченно выпрямился и, оглядев ошарашенных товарищей, с усмешкой сообщил:

– А это, мужики, так уж получается, наше новое задание. Которое началось вот только что, буквально с этой самой минуты. Товарищ капитан... короче, Михалыч, убери пленного подальше, пускай с ним пока Борисов побудет. Введу вас в курс. Сержант, не против? Без обид, мы тебе потом все объясним, но немцу этого слышать не стоит.

– А не сбежит? – нахмурился особист.

– Неа, не сбежит, – качнул шлемом космодесантник. – Ему ж ой как интересно, что дальше будет – вон, гляди, как напрягся. Да и куда бежать, если мы его в два счета догоним? Тем более со связанными руками. Верно говорю, герр майор?

– Ja, ich verstehe. Natürlich werde ich nicht rennen², – с готовностью закивал Ланге, выслушав перевод.

– Вот и договорились. Летун, вон туда отойдите, метров на пятнадцать, дальше не нужно.

– Вась, давай, – мотнул головой Леха. – Посторожи фрица минут десять, я тебе попозже все подробненько расскажу.

Дождавшись, пока сержант с пленным скроются за кустами, Локтев глубоко вздохнул и сообщил:

– Короче, так, мужики... и дама. Ты, Леха, оказался полностью прав – вокруг нас и на самом деле новый мир, нами же и созданный. Параллельная реальность, если по-умному. И потому командованием, уж не знаю, на каком именно уровне, принято решение эту самую реальность в дальнейшем ее развитии всячески поддержать. Почему – понятия не имею, мне не докладывали, но нынешний приказ именно такой: любой ценой доставить информацию о будущем в Ставку. Ну, и еще кое-какие документы, они в контейнере. Кстати, насколько я понял, не исключено, что позже и еще инфы подкинут – видать, пока просто не определились, какой именно. А заодно внутри несколько комплектов батарей, пищевые рационы, аптечки, выстрелы к РПП, кое-какое другое оружие – и прочая высокотехнологичная лабуда. К сожалению, отправить нас порталом напрямую в Москву невозможно, отчего – тоже без понятия, мне не объясняли.

² Да, я понял. Разумеется, я не стану бежать (*нем.*).

– А нормальной экипировки там, понятное дело, не имеется? – задумчиво осведомился Степанов, демонстративно одернув изодранную в хлам гимнастерку и переступив с ноги на ногу. В шорты галифе, конечно, не превратились, но голые колени сквозь прорехи просматривались вполне четко. – Снова бомжом прикидываться? Нет, для маскировки оно самое то, тут не спорю. Но неудобно как-то перед товарищем Сталиным от лица, так сказать, не особо светлого будущего...

– Ну почему же, – усмехнулся старлей. – Очень даже имеется. Не бронекомплект, понятно, но комбезы я вам прихватил, всем четверым. Хорошая одежда, прочная, уж поверь мне, никакие колючки и камни не страшны. Еще и по фигуре сама подгоняется. И броники тоже – они, хоть и облегченные, но пулю любой местной стрелковки держат с гарантией, даже в упор. Все по-отдельности вроде и немного весит, а в сумме – еле допер, блин...

– Круто, – повеселел десантник. Тут же, впрочем, снова помрачнев:

– Пстой, почему для четверых? Володь, а как насчет Ирки? Ее бы обратно отправить?

– Ле-е-еш?! – подала голос Савушкина, гневно сверкнув глазами. – Опять ты начинаешь?! Сказала ведь уже, никуда без тебя не пойду! Ни в прошлое, ни в будущее, ни в настоящее! Только вместе!

– Ирк, да погоди ты! – И торопливо добавил, взглянув в наполнившиеся слезами глаза практикантки: – Ну пожалуйста, Иришка, помолчи немножко, ладно? Хорошо, не пойдешь ты никуда, вместе так вместе... собственно, очень на то похоже, все и без нас уже решили.

Помолчав несколько секунд, спецназовец ответил:

– Понимаешь, Леша, тут такое дело... Принято решение о нецелесообразности вашего немедленного возвращения в двадцать первый век. Ни твоего – да погоди ты, дай договорить! Знаю, что не согласился бы, помню я твои слова! – ни девушки. Мол, так руководство страны скорее поверит, коль с нами вы будете, их прямые, так сказать, потомки. А вот потом, когда контакт будет налажен – наоборот, у меня приказ как можно скорее отправить вас обоих в свое время. Причем в тот же самый день, откуда вы сюда провалились.

– Ну, если так, тогда я согласный, – буркнул Степанов. – Вот только Иришка...

– Да защитим мы твою невесту, сержант! – не выдержал молчавший до того контрразведчик. – Чтоб восемь мужиков да при оружии одну дамочку не уберегли? Не переживай даже, верно говорю!

– Да я и сам справлюсь... Ладно, товарищи военные, давайте, что ли, подарки разбирать? Эй, Вась, ты там не заснул еще? Дуй назад, и фрица прихвати, а то вдруг ему одному в лесу страшно...

Много времени «разбор подарков» не занял, управились примерно за полчаса. В первую очередь Локтев раздал своим бойцам запасные батареи к штурмовым винтовкам и бронекомплект, укупорки с выстрелами к РПП и четыре каких-то непонятных тубуса оливкового цвета, длиной несколько превосходящих портативные плазмометы.

На вопросительный взгляд десантника старлей лишь отмахнулся:

– Лех, некогда сейчас, потом расскажу. Если кратко, это аналог ПЗРК из твоего времени, только многоцелевой и всепогодный, поскольку стрелять по самолетам плазмой – полный бред. Просто удивительно, что мы настолько эффективно тогда отработали – повезло, что подловили фрицев на малой высоте, и погода была ясной, иначе хрен бы вообще попали. А эти штуки специально заточены на поражение практически любой воздушной цели, даже высотной. Самое главное – сопровождение не нужно, головка самонаведения активного типа, оснащена встроенной многодиапазонной РЛС пятого поколения и блоком искусственного интеллекта.

– Типа, «выстрелил – забыл»? – понятливо переспросил Степанов, на что Владимир лишь молча кивнул. – Знакомое дело, у нас тоже подобные имеются. Одноразовые?

– Разумеется, с этим, увы, ничего не поделаешь, технически ракета достаточно сложная, потому снаряжается в пусковой контейнер исключительно в заводских условиях. Контейнер,

кстати, снабжен системой самоликвидации, чтобы следов не оставлять. Все, не отвлекай. Держи комбезы, переодевайтесь живенько. Обувь придется оставить свою, места не хватило, да и размеров ваших я не знаю. Бронежилеты, аптечки и ИРП я тоже прихватил, потом выдам. Для вскрытия упаковки вон там, сбоку, есть специальный хлястик, его нужно дернуть, дальше сами разберетесь. Давай, коллега, не теряй времени, долго на одном месте торчим!

Приняв из рук старшего лейтенанта четыре запаянных в плотный полупрозрачный пластик комплекта снаряжения, Степанов двинул к товарищам. Возможность сменить наконец окончательно пришедшую в nepотpeбный вид одежду Леха с Савушкиной восприняли с нескрываемой радостью. Тем более в комплект обмундирования входило и непривычного вида нижнее термобелье, как позже объяснил Локтев, тоже весьма непростое, с функцией гигроскопической (и еще какой-то там) нейтрализации пота и прочих физиологических выделений организма, и запасные носки, что тоже оказалось более чем кстати.

А вот летун с контрразведчиком к будущанской одежде поначалу отнеслись с недоверием: первому не хотелось расставаться с привычным комбинезоном, второй переживал касательно знаков различия. Впрочем, поглядев на кривую ухмылку на лице десантника, оба безропотно – и даже, о чудо, молча! – убрались за ближайшие кусты переодеваться. Откуда спустя несколько минут раздалось испуганное оханье Борисова, которое десантник воспринял с пониманием: ну да, помянутая Локтевым функция автоматической подгонки экипировки по фигуре носителя – прикольная штука! Более сдержанный Батишев столь бурных эмоций проявлять не стал, коротко, но весьма эмоционально выматерившись себе под нос.

Степанов же лишь усмехнулся: в отличие от товарищей, он ожидал чего-то подобного, потому и дергаться не стал. Заодно и Ирку предупредил, чтоб не вопила от неожиданности, когда «умная» одежка внезапно станет лапать тело: едва десантник натянул кажущийся излишне балахонистым, словно на пару размеров больше, комбинезон и коснулся указанного спецназовцем места на непривычного вида пояском ремне, толстая, но одновременно легкая ткань неожиданно «стянулась», достаточно плотно облекая фигуру. Не как хрестоматийная перчатка или кавалерийские лосины, разумеется, а ровно настолько, чтобы нигде ничего не висело, не топорщилось и не натирало – но и ни на йоту больше. Насколько понял десантник, срабатывало это всего один раз, при первом одевании – комбинезон подгонялся по фигуре, в дальнейшем оставаясь в этом состоянии, словно самая обычная одежда.

Ну, как обычная? Обычная – да не совсем. Сугубо ради научного интереса Алексей попытался проткнуть ткань кончиком трофейного штыка – и не смог этого сделать. Ткань, с виду – вполне обычная синтетика, пусть и дышащая – поддавалась, но отчего-то упорно не желала рваться. Вот, значит, что Володька имел в виду, когда говорил, что им теперь никакие колючки и камни не страшны! Прикольно...

Еще одним плюсом оказалось то, что будущанский комбинезон оказался раздельным, «сплаваясь» воедино тем самым ремнем. Почему это важно, понятно: и в туалет можно нормально сходить, и помыться до пояса, и нижнее белье сменить. Да и снять, случись что непредвиденное, быстрее получится. Цвет комбезов Лехе тоже понравился, оказавшись каким-то... неопределяемым, что ли? То ли серо-зеленый, то ли зелено-коричневый, то ли и то и другое вместе, причем оттенок ткани менялся в зависимости от освещенности и угла зрения. Понятное дело, это не шло ни в какое сравнение с «хамелеоновым» покрытием бронекомплектов космодесантников, даже при отключенной маскировке способных худо-бедно сливаться с окружающей растительностью, но тоже кое-что. По крайней мере, с его вылинявшей гимнастеркой и изодранными галифе точно не сравнить. Да и с привычным по срочной службе армейским камуфляжем тоже.

А уж когда Локтев, распределив среди боевых товарищей боеприпасы и прочую амуницию, выдал им еще и бронежилеты, десантник и вовсе ощутил себя на седьмом небе: вот теперь

точно можно нормально фрицев воевать, не опасаясь каждую секунду заполучить в организм шальную пулю или осколок!

Поскольку оные броники, являющиеся защитой гражданского образца, хоть и весили не больше трех килограммов, со слов старлея были способны удержать пулю практически любого стрелкового оружия – не доверять спецназовцу ни малейшего повода не имелось. Ну, кроме крупнокалиберных пулеметов или, к примеру, противотанковых ружей, тоже считавшихся стрелковкой. А самое главное – не просто удержать, но и надежно защитить тело от критического запреградного воздействия, суть – сломанных ребер или тяжелых травм внутренних органов! Леха и сам обратил внимание на достаточно толстый амортизационный подбой, благодаря которому все перечисленное и становилось возможным, названный лейтенантом не слишком понятным словом «пенометалл». Что это такое, Владимир тоже обещал объяснить позже, когда свободное время будет. Впрочем, десантнику и полученных пояснений хватило: ничего ж себе у них в счастливом будущем «защита гражданского образца»! В его времени пулеметную пулю не всякий армейский броник удержит, даже высшего класса защиты...

К сожалению, головы оставались неприкрытыми – у старшего лейтенанта просто не имелось физической возможности захватить из будущего еще и шлемы, которым просто неоткуда было взяться на территории секретной лаборатории: повезло, что хоть комбинезоны с бронежилетами на складе СБ нашлись. Причем последними поделилась как раз внутренняя охрана научного комплекса – подобная защита полагалась им по штату. Приятным бонусом оказалось и большое количество нашитых на внешний чехол броника карманов, петелек и прочих «элементов внешней подвески», куда можно было запихнуть-подцепить-прикрепить кучу нужных вещей. Начиная от индаптечки, пищевых рационов, гранат, личных вещей и заканчивая «блэстеро-пистолетом», для размещения которого имелась специальная нагрудная кобура с подгоняемым под размеры оружия фиксатором. По сути, будущанский бронежилет одновременно являлся и носимой защитой, и разгрузочным «лифчиком» модульного типа.

Савушкина от новой экипировки тоже оказалась в полном восторге. В основном, понятное дело, оттого, что в условиях полного отсутствия возможности не то что принять горячий душ, но хотя бы просто нормально помыться в каком-нибудь ручье, изодранная, грязная и многократно пропотевшая одежда ее порядком напрягала. И это еще мягко сказано. Ну, по крайней мере, с тех пор, как ее нашел Леша. Правда, в первый момент, когда комбез внезапно плотно облепил тело, девушка испытала короткий шок: это что ж получается, теперь ее все разглядывать станут, даже пленный немец?! Выглядит, наверное, словно танцовщица из какого-нибудь ночного стрип-клуба, стыдобища-то какая!

Однако секундой спустя, когда будущанская экипировка вдруг «расслабилась», Ирина, торопливо ощупав себя, признала, что ничего особенно страшного не произошло. Просто хорошо подогнанный по фигуре слитный комбинезон – и не более того. Где нужно – подчеркивает все положенные физиологией выпуклости и впадины, где нужно – скрывает лишнее. По крайней мере, на натянутую в латекс женщину-кошку из какого-то старого фантастического фильма она уж точно больше не похожа! Ладно, сойдет... а кое-кому, будем надеяться, так и вовсе понравится! А вот бронежилет девушка натягивала, с помощью Степанова подгоняя по размеру, уже без особого желания, поскольку оный (по ее субъективному мнению), существенно портил общий эффект. Но и спорить с десантником, понятно, не стала – да и кто б ее слушал-то?

– Ну чего, мужики, вроде нормально приоделись? – Десантник с ухмылкой оглядел товарищей, летуна с Батищевым, все еще инстинктивно пытавшихся одернуть непривычную форму. – Даже на людей стали похожи, чесслово. Вась, да не расправляй ты комбез, нормально все! Сидит, как уставом и положено. А главное – защищает.

– Непривычно как-то... – смущенно прокомментировал особист. – Я эту чудо-одежку и не чувствую вовсе, больно уж ткань странная, и не хэбэ, и не шерсть... вроде как и не шибко толстая, а притом прочная! Хотя и не натирает нигде, и не висит. Чудеса, да и только!

– Привыкай, Михалыч! – пожал плечами десантник. – Нам в этой, как ты ее обозвал, одежке, еще воевать и воевать. Смотришься ты, кстати, на ять, вон немец согласен...

Разглядывавший преобразившихся русских Ланге на всякий случай энергично кивнул, выдав фразу, понятную даже Степанову – классическую, можно сказать:

– Ja, ja, natürlich!

Выглядел при этом абверовец – не описать. Поскольку удивляться чему бы то ни было он перестал еще во время открытия межвременного портала, сейчас майор испытывал просто нечеловеческую усталость. Перегруженный невероятными событиями сегодняшнего дня разум окончательно отказывался воспринимать новую информацию, не говоря уж о том, чтобы ее анализировать. Майору Ланге отчаянно хотелось спать.

– Вот, – осклабился Леха, – уже и заговорил, как человек, даже я понял! Видать, тоже фильмы для взрослых смотрел. А ежели серьезно, фриц, по ходу, совсем сдулся, нужно будет ему перед выходом стимулятор вколоть, иначе скоро на себе тащить придется. Так что, выдвигаемся, мужики?

– Да, пора, – согласился Локтев. – Запихивайте вещи в ящик, следов оставлять нельзя.

Дождавшись, пока товарищи закинут в опустевший контейнер старую одежду, старший лейтенант бросил внутрь какую-то металлически блеснувшую таблетку сантиметров пяти в диаметре и пинком захлопнул крышку:

– Всем отойти, сейчас полыхнет. – Заметив заинтересованный взгляд Батищева, пожал плечами. – Смотреть можно, это не плазма, не ослепит. Главное, близко не стоять, температура высокая. Сейчас... собственно, вот уже.

Леха сделал шаг вперед: происходящее его тоже заинтересовало, хоть он и догадывался, что никакого секрета тут нет, спецназовец просто бросил внутрь «кофра» нечто вроде термитного заряда.

Так и оказалось: крышка и боковые стенки неожиданно поплыли, проседая и сминаясь; лицо, несмотря на несколько метров расстояния, обдало сухим жаром с каким-то едким химическим запахом. Как ни странно, горелыми тряпками и пластиком отчего-то не пахло, хоть внутри сгорела куча вещей: плотный Васькин комбез, его и особистское хэбэ, Иркины синтетические шмотки, нижнее белье и обертки от комбинезонов. Несколько секунд – и от контейнера не осталось даже следа, лишь легонько дымилась спекшаяся от чудовищной температуры, почерневшая земля в том месте, где он только что находился.

«Хрен его знает, может, никакой и не термит, уж больно температура высокая, – мельком отметил Степанов. – Почва, по ходу, реально оплавилась».

– Все, – прокомментировал космодесантник, затаптывая затлевшие листья и траву по контуру испарившегося вместе с содержимым контейнера. – Время, уходим.

– Простите, товарищ старший лейтенант, – неожиданно подал голос нахмурившийся особист. – Вы упоминали про переданные вашим командованием документы...

– Не волнуйтесь, тарщ капитан, – понимающе усмехнулся космодесантник. – Все при мне и в полной сохранности. Собственно, вот.

И продемонстрировал небольшой, размерами с самую обычную бумажную книгу – если, конечно, подобные еще остались в далеком будущем, – контейнер.

– Все тут.

– Тут?! – не сдержался особист. – В этой коробке? Да что ж туда влезет-то?

– Ну да, внутри... а, кажется, понял, о чем вы. Это не бумага, а электронные носители плюс простенький голографический проектор с адаптером, который при необходимости можно будет запитать от местной электросети. Бумажные документы, согласитесь, как-то не слишком

разумно с собой тащить, да и откуда им в спецлаборатории взяться? Секретность опять же, без пароля не откроешь.

– Понял, спасибо, – смутился Батищев, мысленно отругав себя за недогадливость. Товарищ старший лейтенант кругом прав: какие уж тут бумажные документы? У самого в трофейной полевой сумке электрический... в смысле, электронный планшет лежит, так что мог бы и догадаться. Высокие технологии, понимаешь ли, – вроде бы так их Степанов называл? Хотя, ежели подумать, отчего именно высокие-то? Вроде не летают, угу...

И задал следующий вопрос:

– Попробуем догнать товарища генерала Макарова с бойцами? А если не удастся – идем своим маршрутом, я правильно понимаю?

– Не совсем, товарищ капитан, – неожиданно покачал головой тот. – Есть предложение получше. Достаточно сомнительное, если уж начистоту, ну а вдруг да повезет?

Особист на несколько секунд откровенно завис, переваривая неожиданную информацию. Леха, собственно говоря, тоже.

– Не понял? Какое еще предложение? Почему раньше не сообщили?

– Виноват, не успел. Да и времени не было, сами же видели.

– Да уж видал... – хмыкнул Иван Михайлович, сосредоточенно хмурясь. – Ну и?

– В семи километрах на северо-восток расположен полевой аэродром. По состоянию на сегодняшнее утро там находилось как минимум два транспортных самолета и несколько последних уцелевших истребителей местного ИАПа.

– А мы-то тут каким боком? Зачем нам самолет? Нам бы к своим поскорее выбраться.

– Михалыч, а я, кажись, понял всю глубину его глубин, – задумчиво пробормотал Леха. – Пока до своих доберемся, пока разбираться станут, шпионы мы или вовсе даже наоборот – кучу времени потеряем. Не силой же твоих коллег в обратном убеждать? Да и про группу нашу много кто узнает, а оно нам нужно? Лишние свидетели, сам понимаешь, не маленький. А так – есть реальный шанс поскорее отсюда убраться, за каких-то пару часов добравшись если не до самой Москвы, так хоть куда-нибудь поближе. В твоём времени Чкаловский аэродром уже построили?³

– Какой еще Чкаловский? – не понял Иван Михайлович.

– Ну, тот, что в пригороде Щёлково, километрах в тридцати от столицы?

– А, ты про этот. Построили, конечно, еще лет девять тому. Да только кто ж нас в самолет-то посадит? – пожал плечами особист. – С какого такого перепугу? Ни документов нормальных, ни хрена не имеем?

Поскольку космодесантник промолчал, отвечать пришлось Степанову:

– Вот как раз *документов* у нас столько, что Гитлер бы удавился, чтобы на них хоть краем глаза глянуть! И доставить их нужно как можно скорее! Дальше объяснять?

– Не нужно, – насупил Батищев. – Понял я все. Только глупо это. Вы что, самолет этот захватывать, что ль, собрались?

Десантник незаметно подмигнул ошарашенному летуну, внимательно прислушивающемуся к разговору:

– Зачем сразу захватывать? Мы ж не террористы какие. Просто одолжим на время, верно говорю, тарщ старший лейтенант? Я правильно твою гениальную идею истолковал?

– Правильно, – фыркнул Локтев. – Грузимся, взлетаем – и курс на Москву. Тем более ты вон уже и место присмотрел, как я понял. Всяко проще, чем каждому второму объяснять, откуда мы такие красивые взялись. А если еще и воздушное прикрытие у нас будет, так и совсем здорово.

³ Степанов плохо знает историю: аэродром на юго-восточной окраине Щёлково построили еще в 1932 году. Хотя понятно, что «Чкаловским» он тогда еще не назывался.

– Бред какой-то, товарищи... – совсем поник головой Иван Михайлович. – Это что ж получается, у своих боевой самолет угонять станем? Да это ж трибунал!

– Во-первых, не боевой, а военно-транспортный, – мягко поправил Степанов. – А во-вторых, не угонять, а взять во временное пользование с разрешения местного командования. Во благо Родины, понятно, и в связи с особыми обстоятельствами. Мы ж вроде как сверхсекретная разведгруппа Ставки Верховного Главнокомандования, не забыл? Кстати, сам же и предложил нас подобным образом залегендировать, когда с товарищем генералом шли знакомиться. Тем более нам с Васькой подобное не впервой, мы с ним уже такое делали, помните?

Услышав последнюю фразу, летун возмущенно вскинулся (впрочем, благоразумно промолчав), а Батищев раздраженно буркнул под нос нечто вроде «ох, сколько ж ты болтаешь-то не по делу, разведка»...

– Хорошо, в целом я ваш план, товарищи, понял. Скажу честно, он мне активно не нравится, но попробовать стоит. Особенно ежели ничего угонять не придется и местное руководство нам содействие окажет. Добро, идем к аэродрому, там осмотримся и решим, что да как.

– Может, и не придется, – с готовностью согласился Леха, переглянувшись с Борисовым. – Зато, ежели что, у нас свой пилот имеется, про запас, так сказать. Причем, классный!

– Лех?! – охнул сержант, округлив глаза. – Ты чего, совсем с ума спятил? Я ж тебе еще на фрицевском аэродроме говорил, что только истребителем управлять могу! Ну, или той тарактелкой, на которой мы линию фронта пересекли. Не справлюсь я с такой дуришей, и сам убьюсь, и вас всех угроблю! И не подумаю даже за штурвал сесть, как ни проси!

– Ладно, это я так, от избытка чувств... – ухмыльнулся Степанов. – Успокойся. Найдется, кому самолетом управлять.

– Время теряем, – раздраженно напомнил космодесантник, последние несколько минут не участвовавший в дискуссии. – «Третий», «Пятый» – вперед, затем остальная группа, «Второй» и «Четвертый» – замыкают. Пошли...

Несмотря на достаточно серьезное расстояние – семь км по бурелому отнюдь не то же самое, что столько же по шоссе, – до цели дошли одним рывком, без привалов и прочих остановок. Даже пленный, видимо, осознав серьезность момента, не ныл, стоически выдерживая заданный ритм. Да и с чего б ему ныть, в его-то положении? Сказали вперед – значит вперед, особенно учитывая введенный стимулятор, после которого Ланге попер по лесу наравне с остальными. Впрочем, было и еще кое-что.

Механически перебирая ногами, Рудольф анализировал ситуацию. Введенный непонятной коробочкой со вполне понятным красным крестом на крышке препарат подействовал как первитин, взбодрив и придав мыслям скорость и ясность, но при этом не вызвав ни туманящей разум эйфории, ни ощущения мнимого всемогущества. Обратного пути у него теперь нет. Вызов бомбардировщиков, смешавших с землей передовой отряд 17-й ТД, был зашифрован его личным ключом. Это однозначная и несомненная государственная измена. И теперь, как ни изворачивайся, доказать обратное уже не удастся. Слишком много жертв, чтобы оправдаться... Даже если он каким-то немислимым образом предоставит суду неопровержимые доказательства вмешательства непреодолимой силы, которая походя взламывает лучшие немецкие шифры. Но разве дадут ему такие доказательства? Вон даже мини-телевизор и тот отобрали, а все остальное – не более чем пустые и ничем не подтвержденные слова.

Значит, остается одно: и дальше идти с пришельцами из будущего (угу, будто у него есть выбор!) до самого конца, каким бы он-то конец ни оказался. А уж там – посмотрим. В конце концов, он целый майор Абвера, носитель, так сказать, ценной информации, и русские это наверняка прекрасно понимают. При этом Ланге в глубине души подозревал, что никакими столь уж сверхценными сведениями, о которых не знают его пленители, он, простой сотрудник Abwehrkommando-3, и не обладает, однако из последних сил прогонял подобную мысль. Раз взяли с собой, накормили, да еще и вкололи этот чудо-препарат, после введения которого

он ощущает себя полным сил, значит, имеют на него определенные планы, что уже внушает надежду. Главное, не совершить какую-нибудь ошибку, иначе испарится, словно тот ящик, от которого не осталось даже следа...

Глава 2

Проблемы начались, когда до конечного пункта осталось меньше километра. Сержант Берг, продолжавший прослушивать радиоэфир, внезапно сообщил:

– Командир, я кое-что интересное поймал! Немцы близко, судя по пеленгу, в аккурат между нами и аэродромом!

– Какие еще немцы? – искренне опешил Локтев. – Мы ж от реки прилично отошли, откуда им тут взяться? Переправу мы качественно расхреначили, в лучшем случае к утру восстановят?

Рыжеволосый веснушчатый спецназовец пожал плечами:

– Откуда мне знать, какие именно немцы? Понятно, что фашистские, а насчет остального? Насколько понимаю автоперевод, это разведбат той дивизии, передовому отряду которой мы укорот возле Гливина устроили. Переправились немного в стороне, ты ж карту видел, бродов тут достаточно, да и Березина – отнюдь не Волга или Днепр.

– А раньше почему не засек?

– Так они раньше и не трепались, режим радиомолчания выдерживали. А сейчас сообщают своим, мол, вышли в район цели.

– Понятно... – Старший лейтенант несколько секунд размышлял. – Интересно, и что им тут нужно? Да еще и на ночь глядя?

– Так аэродром и нужен, что ж еще? – хмыкнул Йохан. – Хотят захватить целехоньким, чтобы взлетку для своих нужд использовать. Перебросят самолеты – и станут наших бомбить. Не сейчас, понятно, а когда основные силы переправятся.

– Уверен? – все еще продолжал сомневаться Локтев.

– Практически как в самом себе! – хмыкнул космодесантник.

Старлей снова ненадолго задумался. В принципе все логично. Вот только задачей немецкой разведки, вероятнее всего, является не только и не столько аэродром. Это, скорее, приятный бонус. По пути, так сказать. Главная же цель – разведать, что впереди. А вот про непонятную диверсионную группу они вряд ли в курсе, не тот уровень. Кстати, насчет тех, кто *в курсе*...

– А та зондеркоманда?

– Она-то тут при чем, командир? – неожиданно подал голос Родимов. – Эти уроды к будущему наступлению вообще никаким боком, поскольку исключительно по нашу душу прибыли. Да и наплевать, не найдут они нас. А найдут – так мы их с превеликим удовольствием на ноль перемножим, уж я – так точно все силы приложу. Не о том речь. Я про эти самые разведбаты читал немного, их еще какой-то историк прошлого – кстати, из твоего времени, Лех – «тараканьими усами» назвал⁴.

– Поясни? – нахмурился старший лейтенант. – Кстати, таракан – это насекомое такое? С этой планеты?

Услышав последнюю фразу, Степанов с трудом сдержал улыбку, обменявшись с Иваном Михайловичем быстрым взглядом. Особист, равно как и летун, откровенно хлопали глазами, видимо, не понимая, как можно не слышать про тараканов. Ирка же и вовсе изо всех сил кусала губы, пытаясь не расхохотаться. Слыхано ли, про тараканов не знать?! Хорошо им там, в будущем, живется, не то что в студенческом общежитии родного универа!

– Ну да... – стушевался Михаил. – Земное насекомое. Ползает в темноте по щелям и норкам, ощупывает пространство впереди себя усами. Так и у немцев. Если главные силы дивизии – это тело насекомого, то разведывательный батальон – его усы, выброшенные вперед порой

⁴ Данное образное сравнение приводится Ю. Веремеевым в книге «Мифы и правда о плане «Барбаросса», Москва, изд-во «Алгоритм», 2011 г.

на десятки километров. Очень такие длинные усы. Натолкнутся на оборону – отскочат, не ввязываясь в затяжной бой, под прикрытие основных сил; найдут щёлочку, подходящую для прорыва, – доложат по радио. Потому и на ночь глядя – таракан тоже скрытность любит. Под Борисовом у них не срослось, под Гливином тоже, а переправляться-то нужно. Значит, нащупывают местечко для завтрашнего наступления. Сейчас только самое начало августа, фрицы во все дырки в обороне лезут, с потерями не считаясь. Блицкриг же, главное, темп не снижать! Мы им, конечно, неслабо вломили, но на уровне всей Второй панцергруппы эта победа вряд ли будет воспринята как нечто катастрофическое. Даже с учетом гибели Гудериана. Спишут на особо упорное сопротивление русских и прочую неразбериху. Да и потери от дружественного огня никто не отменял. Ну, как-то так...

– Полагаешь, нам эти разведчики хоть чем-то опасны? – усмехнулся Локтев.

– Нам – нет, – пожал плечами спецназовец. – Вот только учитывай, что им по штату полагались минометы, противотанковые пушки, полсотни пулеметов и три десятка бэтээров, не считая всяких мотоциклов. Возможно, что и легкие танки, но точно не скажу. По меркам этого времени – достаточно серьезная сила. Мы-то отобьемся, понятно, тем более никто не говорит, что они всем скопом сюда рванут, вот только снова засветимся по полной программе. Поскольку с радиосвязью у фрицев все в порядке, информация достаточно быстро дойдет до камрадов нашего герра майора, которые не менее быстро сложат два и два. И передадут сведения командиру той самой айнзацкоманды, указав, где именно нас искать. Потому предлагаю уходить без конфликта, то есть скрытно.

– Товарищ капитан? – космодесантник повернулся к Батищеву. – Ваше мнение?

– Полностью согласен с товарищем сержантом, – со всей возможной серьезностью кивнул тот. – Нам сейчас лишний шум ни к чему. У нас своя задача. Государственной важности, между прочим! Разведка, а ты чего молчишь? – Особист неожиданно взглянул на Леху. – Не похоже на тебя. Неужели сказать нечего?

Степанов и на самом деле молчал, задумчиво хмуря брови. Поскольку просто не знал, как им теперь следует поступить. Идея с самолетом было хороша. Даже очень хороша, особенно с точки зрения истосковавшегося по небу бывшего десантника. Да и поднадоели ему эти их блуждания по лесам со всеми сопутствующими пострелушками, если честно. Пока им просто нереально везло, особенно после появления Локтева со своими «Терминаторами». Вот только продолжаться бесконечно подобное по всем законам жанра (и жизни, ага) не могло. Ну, и чего делать? Попытаться все-таки догнать генерала Макарова, как того и хотел особист? Учитывая потерянное время, осуществить подобное теперь практически нереально. Тем более скоро начнет темнеть. Скорее всего, окруженцы уже соединились с регулярными частями РККА, или это произойдет в самое ближайшее время. При этом Павел Григорьевич был проинструктирован, что в случае раздельного выхода к своим рассказывать про «секретную группу Ставки» можно, а вот упоминать Батищева и остальных (кроме пленного, понятно) – крайне нежелательно. Во избежание ненужных инсинуаций, так сказать. В Москве – совсем другое дело, ну так то в Москве...

Значит, уходить своим маршрутом? Но куда именно и в каком направлении? И когда, прямо сейчас? Переход по ночному лесу – вовсе не легкая прогулка. Приборы ночного видения, понятно, круто и высокотехнологично, но они имеются только у космодесантников, остальным придется топать вслепую, рискуя подвернуть, а то и вовсе сломать ногу. Что лишь доставит отряду хлопот, поскольку дальше раненого придется уже тащить. Ждать рассвета? Тогда нужно подыскать подходящее для ночлега место. Это им с летуном несколькими днями раньше («а кажется, будто уже как минимум неделя прошла, если не больше», – автоматически подумал Степанов) было просто: забрались поглубже в чашу, развели бездымный костерок, перекусили трофейными консервами да завалились спать до утра, не заморачиваясь всякими условностями вроде боевого охранения. Сейчас у них, как ни крути, какой-никакой, но

ОТРЯД, еще и с военнопленным. Да еще и фрицы рядом... и принесло ж этих евроинтергаторов столь не вовремя! Может, все-таки попробовать опередить фашистов, первыми добравшись до аэродрома? Вдруг да получится? Ведь перебьют летунов, как куропаток...

Тяжело вздохнув (Батищев немедленно подозрительно нахмурился), Степанов буркнул:

– Михалыч, вот как на духу – не уверен. Ты ж в курсе, я никогда за словом в карман не лез, но сейчас – честное слово, не знаю! Ладно, не играй лицом, сейчас обрисую свои соображения, – Алексей вкратце пересказал собственные мысли.

– Рискованно, Леша, – покачал головой Локтев. – Если прикинуть по времени, у нас в лучшем случае будут буквально какие-то минуты на погрузку и взлет. И то, если полностью исключить любое сопротивление местных. Пока их убедим, фрицы по-любому до аэродрома доберутся. Даже если успеем загрузиться, не факт, что взлетим – я, хоть местный транспортник даже издалека не видел, примерно представляю, сколько ему времени на разбег и отрыв от земли потребуется. Одна пулеметная очередь вслед – и все, полыхнем прямо на взлете. Мы-то в бронекompлектах, может, и выживем, если высота и скорость небольшими окажутся, а вот для вас – без вариантов. Или сгорите, или об землю размажетесь.

– Да понимаю я все... – раздраженно буркнул Степанов. – И признаю твою правоту. Вот только летунов да баошников⁵ жалко, постреляют пацанов ни за грош. С другой стороны, судя по карте, нам все одно мимо аэродрома идти, можем нашим хоть сигнал какой подать.

– Сигнал? – не понял старлей.

– Да хоть гранату на взлетке рвануть! – дернул плечами Алексей. – Или из пулемета по кронам деревьев засадить. Охрана всполошится, глядишь, и фрицев не проворонят. Если успеют свои зенитки на прямую наводку развернуть, немцам точно мало не покажется, у них ведь наверняка тридцатисемимиллиметровые автоматы в наличии имеются. Для 61-К что бронетранспортер, что легкий танк – так, на один укус, насквозь прошьют и не заметят.

– Не вступая в бой? – подозрительно нахмурился особист. Впрочем, насколько Леха успел узнать Батищева, в глубине души предложение ему понравилось: Иван Михайлович, несмотря на все перипетии первых недель войны, все еще не мог равнодушно проходить мимо требующих помощи товарищей. Даже с учетом внезапно свалившейся на его голову ответственности в виде стратегически важной информации.

– Неа, не вступая, – со всей убедительностью кивнул десантник, в той же самой глубине души подобной уверенности отнюдь не ощущавший. Поскольку, как говаривал классик, «чисто писано в бумаге, да забыли про овраги». Впрочем, ладно, разберемся на месте. Поскольку не впервой. – Вроде ж решили уже, что лишний раз светиться нам ни к чему.

– Добро. Ну что же, товарищи бойцы, значит, идем к аэродрому, предупреждаем наших – и немедленно уходим. Особо подчеркиваю – немедленно и скрытно! Согласны, товарищ старший лейтенант?

– Это можно, – кивнул Локтев. – Включим систему маскировки, подберемся тихонечко, устроим шум и рванем своим курсом. Дальше пусть уж сами справляются. Йохан, я ведь правильно понимаю, что по радио мы их предупредить не сумеем?

Сержант Берг отрицательно помотал головой:

– Я б со всем удовольствием, командир, но как? Частот не знаю, да и молчат они. Возможно, по проводной связи со своими общаются или просто не рискуют выходить в эфир. Так что без вариантов.

– Тогда двинули, тут идти-то минут пятнадцать, если не спешить. Я с «Четвертым» и «Нулевым-раз» ухажу вперед с отрывом в триста метров. Шуметь станем сами. Остальным выдерживать дистанцию, соблюдать маскировку, без приказа с нами не сближаться. «Третий»,

⁵ Степанов имеет в виду батальон аэродромного обслуживания – авиационно-техническая часть, занимающаяся ремонтом, заправкой, пополнением боекомплекта, охраной и т. д. самолетов.

«Второй» и «Пятый» – фланги и тыл, «Нулевые-два и три» (эти позывные закрепили за Борисовым и контрразведчиком) – с пленным и девушкой. И по сторонам поглядывайте, кто их знает, этих местных тараканов. «Второй», тебя это особо касается. Готовы? Вперед!

Нужно ли говорить, что первоначальный план благополучно накрылся медным тазом, даже не начав осуществляться? Когда передовой дозор добрался до крайних деревьев лесной опушки, за которой расстилалась не слишком широкая луговина, используемая в качестве взлетно-посадочной полосы, вокруг еще было тихо. На выбитой ногами и самолетными шасси траве застыл раскручивающий лопасти двухмоторный транспортник ПС-84⁶ с распахнутой бортовой дверцей, возле которой суеилось несколько человек, закидывающих внутрь какие-то мешки. Позади него готовилась к взлету пара небольших лобастых истребителей, без особого труда опознанных Лехой как легендарные «ишачки». Пилоты в кабинах, двигатели запущены. Насколько понимал Степанов, аэродром спешно эвакуировали, иначе с чего бы все оставшиеся самолеты одновременно выкатывать на взлетку? А вот второго упомянутого Локтевым «русского Дугласа» в упор не видно, видимо, уже успел взлететь.

Мелькнула мысль, что Васька Борисов, окажись он сейчас рядом, уж точно бы воспрянул духом и рванул налаживать контакты с летунами. И, скорее всего, достаточно быстро убедил бы их в необходимости помочь попавшим в беду товарищам. Может, вызвать его сюда, благо совсем недалеко, за пару-тройку минут добежит? Михалыч, понятно, станет возражать – но иди знай, сколько фрицам еще нужно времени? Мало ли что они в эфире болтали? Понятие «Вышли в район цели» – оно такое понятие, растяжимое. Случится на пути особо топкий ручей, завязнет головной БТР – вот нам и форы. Хотя нет, не успеет Васька.

Кстати, а где, собственно говоря, те самые баошники, которых они предупреждать собирались? По идее их хозяйство должно располагаться где-то в районе противоположной опушки, но сейчас там пусто, ни заправщиков, ни палаток. Зенитчиков тоже не видать, хоть метрах в ста виднеется брошенная позиция – можно разглядеть пустой капонир с обвисшими обрывками маскети на вкопанных в землю кольях. Получается, обслуга уже свернулась и ушла первой? А летуны – следом?

Продолжая размышлять, десантник повернул голову в сторону Локтева... и в этот момент загрохотало. Да так, что Степанов едва не подпрыгнул от неожиданности на месте. Хотя, конечно, достаточно сложно подпрыгивать из положения лежа с упором на локти.

Выкатившийся на открытое пространство полугусеничный бронетранспортер резко затормозил, долбанув по самолетам из курсового пулемета. Его тут же поддержали огнем несколько мотоциклов, с похвальной расторопностью рассредоточившихся по флангам. Парой секунд спустя, подмяв бампером кусты подлеска, на взлетку выполз еще один темно-серый угловатый «утюг», тоже присоединившись к обстрелу.

Транспортник начал разбег, однако шансов у него, как и предупреждал Локтев, не было. Очереди сразу нескольких пулеметов прошли вдоль фюзеляжа, дырявя дюраль бортов и высаживая остекление иллюминаторов, полоснули по крыльям и двигателям. Правый мотор полыхнул практически сразу, левый еще работал, из последних сил выходя на штатный режим.

Но высокооктановый авиационный бензин уже вспыхнул, подожженный трассирующими пулями, и следом за разгоняющимся самолетом потянулась по траве полоса рваного оранжевого пламени. Неизвестно, о чем думал в последний момент жизни пилот, но поступил он, как настоящий герой: резко отвернув, направил машину в сторону опушки, освобождая взлетку и даря истребителям шанс спастись. Из так и не закрытой овальной дверцы посыпались на землю человеческие фигурки, тут же падающие под плотным пулеметным огнем.

⁶ ПС-84 – пассажирский самолет завода № 84 – лицензионный вариант американского «Дугласа» DC-3. Производство из отечественных материалов и с советскими двигателями начато в 1939 году. С 1942 года самолет выпускался в Ташкенте в варианте военно-транспортного под обозначением Ли-2, по имени главного инженера завода Б.П. Лисунова.

Парой секунд спустя врезавшийся в деревья «Восемьдесят четвертый» взорвался, скрывшись в роскошном огненно-рыжем всполохе. Рвануло хорошо: от заправленного под завязку самолета остались лишь застрявшие меж древесных стволов оконцовки несущих плоскостей да покореженный хвост. Особенно Лехе запомнилось, как вырванный вместе с гондолой двигатель, описав пологую дугу, вертикально воткнулся в землю – совершенно сюрреалистичная картина.

Десантник привычно облапил приклад МГ, на рефлексах рванув затворную раму и мысленно распределяя будущие цели, однако в наушнике раздался спокойный голос Локтева:

– «Нулевой-раз», отставить! «Четвертый», тебя тоже касается, оружие на предохранитель! Это приказ. Тут мы уже ничего не изменим. Наблюдаем.

Скрипнув зубами, Степанов убрал палец со спускового крючка, продолжая следить за разворачивающейся перед ним трагедией.

Первый И-16 рванул с места, но, не пробежав и сотни метров, нелепо подпрыгнул, наскочив шасси на невидимую в траве кочку, и заглох поперек полосы: фашистская очередь прошла вдоль корпуса, разбив приборную панель и практически обезглавив пилота. А вот второй, едва не чиркнув крылом по земле, лихим зигзагом обогнул менее удачливого товарища и ухитрился взлететь – и имел все шансы благополучно уйти. Однако, набрав минимальную для маневра высоту, внезапно развернулся и ринулся обратно, строча из всех четырех бортовых ШКАСов.

Подбрасывая невысокие земляные фонтанчики и рваные клочья выдернанной травы (да и с чего б им быть особо высокими, чай, не из крупняка долбанул, а обычным пехотным калибром), смертоносные строчки рванулись к бронетранспортеру и, опрокинув попавший под свинцовый град мотоцикл, с визгом рикошетов и искрами прошли по угловатому корпусу. Судя по отсутствию всякого движения и густо задымившему мотору, «Ганомагу» хватило за глаза.

Пронесшись в развороте над самыми верхушками деревьев, «ишачок» стал набирать высоту: неведомый пилот был отчаянно смел, но самоубийцей отнюдь не являлся. И отлично понимал, что второго захода он сделать просто не сумеет, поскольку сейчас по нему на расплав ствола лупило никак не меньше трех пулеметов. А из-под многократно простреленного капота уже тянулась пока еще тоненькая струйка темно-серого дыма...

– Ну, хоть один ушел, – буркнул себе под нос Степанов, продолжая выцеливать второй БТР. Поскольку первый уже никакой опасности не представлял: Леха понятия не имел, куда именно попали пули авиационных пулеметов, но сейчас граненый колун «двести пятьдесят первого» вовсю полыхал, весело постреливая взрывающимся в огне боекомплект. Несколько фрицев вытягивали из распахнутых задних дверей пострадавших камрадов, то ли раненых, то ли убитых. Причем вероятнее второе. Одним словом, как совсем недавно заявил Батищев, «эх, смотрел бы да смотрел».

– Ушел, – покладисто согласился Локтев. – Значит, и нам пора. «Нулевой-раз», «Четвертый», отходим.

Что именно произошло в следующий миг, Алексей так и не понял.

Заметить их фашисты никак не могли: маскировки бронекompлектов космодесантники не отключали, да и за себя Леха был уверен. Кто его разглядит в густых кустах лесной опушки? Не первый день воюет. Одним словом, отчего фрицевский пулеметчик вдруг решил выстрелить в направлении их лежки, так и осталось тайной. Но факт оставался фактом. Развернув на вертлюге «Maschinengewehr 34», немец неожиданно причесал заросли длинной, патронов на тридцать, очередью. Дальше работали исключительно рефлексy, как вбитые во время срочки, так и намертво вьеvшиеся в кровь и плоть за эти несколько суток: не раздумывая, Леха чуть повернул ствол и ответил, укладывая очередь вровень с бортом.

Сержант Родимов тоже выстрелил на полном автомате: если пули Степанова всего лишь опрокинули пулеметчика, то плазменный импульс штурмовой винтовки мгновенно превратил

бронемашину в огненный факел. Встроенной в тактический шлем СУО было, в сущности, глубоко наплевать, чем именно руководствовался владелец оружия, открывая огонь. А все данные об уязвимых местах вражеской бронетехники еще со времен боя в деревне были аккуратно обработаны чипом и занесены в соответствующие ячейки памяти.

Сдавленно выматерившийся Локтев присоединился, прицельными выстрелами выбивая уцелевших байкеров вместе с транспортными средствами. После чего – все заняло едва ли больше пяти секунд – рывкнул, убедившись, что живых противников не осталось:

– Валим, снайперы бueвы, Робин Гуды, мать вашу! – и, переключившись на общий канал, скомандовал:

– Всем номерам – внимание! Снимаемся с места и уходим в темпе вальса. Нашумели. Нам бы теперь...

Старлей не договорил, поскольку в этот миг загрохотало уже со стороны оставленной в лесу основной группы...

Глава 3

Разумеется, пропустить появление гитлеровцев спецназовцы никоим образом не могли. Да, сейчас у них не имелось мощных сканеров, способных «пробивать» заросли на сотни метров вперед, но и обычные портативные системы, встроенные в бронекompлекты, позволяли засечь противника на достаточном расстоянии. Собственно, и засекли. Вот только... то ли немцы оказались какими-то неправильными, то ли еще что, однако спокойно проехать мимо импровизированного лагеря в сторону аэродрома они не пожелали.

Четыре полугусеничных бронетранспортера из состава 27-го разведывательного батальона 17-й ТД с десантом на борту внезапно остановились на узкой лесной дороге, заставив младшего лейтенанта Прохорова слегка напрячься. Слегка – поскольку особой опасности фрицы пока не представляли. Ну, остановились, мало ли? Может, пописать хотят, аж мочи нет... предпоследнее слово, понятно, с ударением на первый слог.

Ухмыльнувшись несвоевременной мысли и поразмыслив еще пару секунд, космодесантник даже не стал вызывать командира, которому сейчас наверняка есть чем заняться. Отправив «Третьего» и «Пятого» на заранее присмотренные позиции, Виктор продолжил наблюдение. Относительно девушки и пленного он несколько не волновался: этот местный контрразведчик, хоть и абориген аборигеном – тот еще волчара. Порой как глянет – аж мурашки по коже, даже удивительно, отчего Степанов с ним общается вроде бы даже несколько свысока, с эдакой постоянной ухмылочкой... не обидной, нет! Просто... с ухмылочкой. Хотя местным всяко виднее, это их планета, а он со своими парнями тут не более чем случайный гость. Хотя здорово, конечно, саму легендарную прародину увидеть! Красивая планета, что и говорить. Вот только дела на поверхности больно уж гадкие творятся...

В следующий миг «Второму» стало не до пространных рассуждений: немцы организованно спешили, растянувшись вдоль дороги реденькой цепью. Это они чего, лес, что ли, прочесывать собрались?! И зачем, спрашивается? Хотя, что ж тут непонятного? Если основная группа сейчас ударит по аэродрому, то эти, так получается, должны перехватить попытавшихся скрыться красноармейцев и уцелевших пилотов. Вполне логично: чем позже станет известно про уничтожение аэродрома, тем лучше. Это ж разведка, ей любой ненужный шум по определению противопоказан. Вторая группа сейчас, вероятнее всего, заходит с противоположного фланга, беря окружающий взлетную полосу лес в клещи.

Младший лейтенант досадливо поморщился: логично-то логично, кто ж спорит, но вот какого ж хрена вы именно отсюда начать-то решили?! Проехали бы метров на двести дальше! Ладно, отставить. Собираемся и уходим, сообщение «Первому» можно и позже отослать. Сейчас главное...

Со стороны аэродрома затарахтело сразу несколько пулеметов, определенно немецких, следом гулко бухнул взрыв. Взвыл на высоких оборотах авиадвигатель, снова долбанули пулеметные очереди, причем сейчас одновременно работали сразу несколько «машинок». Прохоров нахмурился. Интересно, что там сейчас происходит? Как-то не слишком похоже, чтобы наши сигнал подавали, скорее там самый настоящий бой идет. Непонятно только, кого с кем?

Снова пулеметная очередь, следом еще одна... и в углу тактического забрала ожила пиктограмма, сухо информирующая космодесантника о том, что в бой вступили плазменные винтовки. Ого, похоже, что-то пошло не по плану! Опередили фрицы, первыми к цели вышли. И потому «Первый» с «Четвертым» сейчас активно разряжали батареи, а замкнутые в единую сеть чипы СУО равнодушно фиксировали результаты, автоматически передавая информацию остальным бойцам.

Немцев же внезапная стрельба, судя по всему, вовсе не смутила: ожидали чего-то подобного. Внешние аудиосенсоры донесли обрывки коротких, лающих команд (автоматический

переводчик молчал, будучи не способен перевести обрывки фраз), после чего фрицы дружно ломанулись в заросли. Неподвижные до сего момента, подсвеченные красным отметки на внутренней поверхности шлема пришли в движение.

– «Третий», «Пятый», внимание! – более не колеблясь, скомандовал Виктор. – Ситуация нештатная. Отходим, маскируемся, пропускаем противника мимо. При необходимости – ударим с тыла, цели разобрать и зафиксировать.

– Товарищ капитан, – старший прапорщик Федюкевич на миг замялся, подбирая подходящие слова. – Уходим, резко. Поднимайте остальных – и за мной. «Номера» прикроют.

– Понял, – кивнул особист, уже достаточно освоившийся с гарнитурой связи. – Борисов, все слышал? Бери девчонку, фриц со мной. Резко, – с каким-то непонятым удовольствием повторил он понравившееся выражение. И смутившись, звучно передернул затворную раму трофейного автомата, вызвав короткий, но весьма неодобрительный взгляд «Третьего». Мол, не нужно лишнего шума, случись что, сами справимся.

– Туда, – указал направление спецназовец. – И тихо, немцы рядом.

– Много? – не сдержался Батищев.

– Достаточно, – сухо буркнул Стэнли, мягко подтолкнув Батищева в спину. – Полтора взвода, как минимум. Все, тишина в эфире.

* * *

Жизнь, как известно, не более чем череда случайностей. Случайностей, которые выстраивают цепь закономерностей, собственно, и называемых жизнью. Ну, или судьбой. И судьба небольшой по космическим меркам планеты, расположенной в рукаве Ориона галактики Млечный Путь, в очередной раз изменилась в тот самый миг, когда нога обер-ефрейтора Курта Визеля внезапно зацепилась за торчащий из дождевой промоины древесный корень.

Проклятые русские леса, которых неожиданно оказалось даже не много, а немыслимо много, сыграли с ним дурную шутку. Заученно падая на бок, опытный разведчик, начавший службу еще в тридцать восьмом, разумеется, не произнес ни звука. Визель был хорошим солдатом и знал, что любой посторонний звук может навредить выполнению боевого задания.

И это оказалась первой случайностью – или звеном в цепи будущих событий, если угодно.

Второй же был приказ герра лейтенанта снять оружие с предохранителей и быть готовым к любым неожиданностям.

Ну а третьей, сработавшей словно запал ручной гранаты с выдернутым инициирующим шнуром, – соскользнувший на спусковой крючок указательный палец. Тишину прорезала короткая автоматная очередь, прошедшая по кронам и не способная причинить никому ни малейшего вреда.

Точнее, не была бы способна причинить, не затаись в считанных метрах сержант Берг, тоже, понятное дело, готовый к любым неожиданностям. Вот только этот боевой выход был для Йохана всего-то вторым, и потому он поступил не так, как поступил бы более опытный боец спецподразделения, а отработал, словно на тренировочном поле. В точности так же, как несколькими минутами назад Леха Степанов – вот и не верь после этого в закон парных случаев!

Поймав в прицел открывшего огонь противника, Берг заученно вытянул спуск, отвечая одиночным импульсом. Плазменный болид скользнул меж ветвей куста, под которым и укрылся спецназовец, и испарил голову врага вместе с большей частью защитного шлема. Подсвеченная алым отметка коротко мигнула и погасла, подтверждая гарантированное поражение: встроенный в тактический шлем чип зафиксировал уничтожение цели. Младлей Прохоров коротко матюгнулся, неосознанно припомнив парочку сочных выражений, подслушанных по молодости у космолетчиков торгового флота, и сухо бросил в гарнитуру:

– «Первому» и всем номерам, вступил в бой. Работаем по живой силе, маневрируем. «Третий», отходишь по плану, «Нулевые» и пленный на тебе.

– Они там чего, совсем охренели?! – ахнул Локтев, прослушав короткое сообщение. – Да твою ж мать! «Нулевой», обойди с фланга, но сильно вперед не лезь, картинки не видишь, «Четвертый» – со мной. Двинули.

Ну, они и двинули: активировавшие максимальную маскировку и защиту спецназовцы – невидимыми полупрозрачными тенями, Леха – следом, пригнувшись и потихоньку забирая влево. Руки ободряюще оттягивал ставший привычным трофейный пулемет, в «кексе» негромко позвякивала опустевшая едва на четверть патронная лента. Кожу легонько пощипывало – как и всегда перед боем. Одним словом, нормальное самочувствие, с которым он уже практически свыкся за эти сумасшедшие дни. Главное, чтобы Ирку случайно не подрали, с остальным разберемся. Интересно, конечно, с кем они на этот раз схлестнулись, но это не горит: поживем – увидим, как говорится. Точнее, перестреляем – поглядим...

Минуты через три младший лейтенант Прохоров раздраженно вынужден был признать две вещи, и обе – крайне неприятные. Фашистские разведчики оказались достаточно хорошо подготовлены. После первых выстрелов фрицы заученно залегли, грамотно используя в качестве укрытий складки местности и деревья. Правда, и ответного огня сразу не открыли – негромкий хлопок штурмовой винтовки никак не ассоциировался с вражеским выстрелом, равно как и неяркий выскерк летящего плазмоида. Но вот затем ближайший гитлеровец разглядел обезглавленный труп камрада, и автоматический переводчик равнодушно перевел его истерический вопль:

– Они убили Курта, господин лейтенант! Здесь русские! Засада! Они там, там!

После чего заросли буквально взорвались огнем, к счастью, неприцельным: куда именно стрелять, фрицы не видели, просто самозабвенно лупили из всех стволов в направлении, откуда прилетел непонятный бесшумный снаряд. Серьезной проблемой для космодесантников это, разумеется, не являлось, даже несмотря на четыре вступивших в бой пулемета, установленных на бэтэрах, вот только...

Вот только после того, как Прохоров отдал команду на открытие ответного огня, внезапно выяснилось, что плазменные винтовки весьма малоэффективны в лесу.

Сгусток высокотемпературной плазмы, способный с легкостью прожечь борт бронетранспортера, вывести из строя танк или даже сбить низколетящий самолет, мгновенно изменял направление полета или взрывался, теряя энергию, едва коснувшись ветвей достаточно густого куста. В отличие от автоматных и пулеметных пуль, которым заросли были по большому счету нипочем. Одним словом, произошло именно то, о чем предупреждал Локтев, предостерегая Леху от использования плазменного оружия в задымленной атмосфере, во время дождя или густого тумана. Разумеется, спецназовцы прекрасно знали о подобной особенности своего оружия, но уж больно внезапно начался этой бой... да и что бы они смогли изменить? Наиболее эффективного в зарослях баллистического оружия у них не имелось, и потому оставалось уповать лишь на собственную маскировку, непробиваемые бронеконтакты и немногочисленные стволы союзников. Да еще на штурмовые гранаты, но это уж в самом крайнем случае...

Впрочем, немцам пока хватало: после короткого замешательства космодесантники принаоровились выжигать первым импульсом препятствие, вторым или третьим поражая укрывшуюся цель. Опять же деморализующий эффект: уж больно жутко выглядели беззвучные огненные всполохи, порой перешибающие не особо толстое дерево. А уж при удачном попадании... тут и вовсе говорить не о чем.

А затем по противнику размеренно зарокотал Лехин пулемет, и фрицы дрогнули окончательно, спешно отступая к дороге, под прикрытие своей брони. Ну, по крайней мере, им

казалось, что под прикрытие – верно истолковавший происходящее Локтев отдал соответствующий приказ, и все четыре бронетранспортера дружно и жарко полыхнули, получив по плазмому в прикрытый противопульной броней бензобак. Степанов же, убрав палец со спускового крючка и отсоединив пустой патронный короб, смерил злым взглядом подползшего Борисова:

– Вась, ну и какого фига ты так долго валандался? Видел же, что у меня с собой всего один «кекс»! Или гарнитура не работала?

– Так это, товарищ «Третий» отпускать не хотел, пока приказ от товарища старшего лейтенанта не получил, – одышливо буркнул летун, протягивая десантнику ребристую «банку». – Держи, Леш, полная.

– Вот спасибочки, почти вовремя, – Степанов привычно перезарядил МГ. – Прикрывай, мало ли что.

Передернув затвор, Алексей дал две короткие очереди, опрокидывая замешкавшегося фрица, после чего перенес огонь на виднеющуюся в разрывах зарослей дорогу. Подожженные транспортеры уже вовсю горели, выбрасывая в небо столбы жирного дыма и запыленно, словно готовящийся попкорн, тарахтя взрывающимся бэка, так что эффект от его стрельбы был, скорее, беспокоящим. А уцелевших фрицев гости из будущего и без его помощи добьют, у них и броня, и сканеры с прочими системами наведения.

Решив больше не жечь зазря патронов, Леха обернулся к товарищу, как и было велено, занявшему позицию для стрельбы из автомата лежа. Ну, в смысле прикрывать пулеметчика:

– Ладно, Вась, опускай свой машинпистоль, отбились мы. Сейчас локтевские местность зачистят, и можно уходить.

– Точно? – особой уверенности в голосе сержанта не ощущалось.

– Да хрен его знает, – задумчиво пробормотал Степанов, после недолгого колебания протягивая Борисову пустой «кекс» и отстрелянную ленту. – На, приberi в сумку, если будет время, можно у побитых разведчиков патронов натрофеить. А нет, так потом выбросим, невелика ценность. Насчет твоего вопроса? С этими-то мы наверняка покончили, тут без вариантов. А вот с теми, что аэродром штурмовали – непонятка. Всех мы положили или нет...

– А чего там было, на аэродроме-то? – заволновался Василий. – Мы ж и не знаем ничего, только и слышали, что стрельбу какую-то, взрыв. Затем «ишачок» мотором гудел, взлетал, похоже, уж я-то не ошибусь. Потом снова из пулеметов лупили, и авиационных, и обычных. Вы на немцев наткнулись, да? А пилоты, баошники – с ними чего? Успели уйти?

– Вась, давай я тебе попозже расскажу, ладно? – Леха вовсе не собирался прямо сейчас живописать товарищу трагедию, свидетелем которой он стал. – Обслуга успела уйти и один из истребителей тоже.

– А...

– Оставить разговоры! – рявкнул наученный опытом десантник, помнящий, что уставное обращение – лучший способ успокоить взволнованного товарища, настроив того на деловой лад. – Русским языком же сказано – позже! Ну?

– Так точно, – захлопал ресницами летун. – Виноват.

– Все, отбой, поднимайся. Наши вон уже до дороги добрались, значит, и нам пора сворачиваться.

Словно подтверждая его слова, в наушнике гарнитуры раздался голос Локтева:

– Всем номерам, чисто, мы закончили. Уходим. Противник уничтожен, потерь нет. «Нулевой-раз», трофеи собирать некогда, это явно не вся группа, так что уходим налегке и быстро. Порядок движения прежний.

* * *

Размеренно топая рядом с Батищевым, Леха искренне вздохнул:

– Знаешь, Михалыч, если честно, жалко, что с самолетом не срослось! Так хотелось красиво уйти, по-нашенски, по десантному. Да и не летал я давно, с самого дембеля. Соскучился по небу.

Смерив десантника быстрым взглядом, особист неожиданно пробормотал:

– Это тебе, разведка, хотелось. Поскольку вы с товарищем старшим лейтенантом летать привыкли, кто в небесах, а кто и повыше. Ну и с Васькой, понятно. А я, ежели начистоту, этого дела до жути боюсь. Вот такая, понимаешь, закавыка...

От услышанного Степанов даже с шага сбился:

– Михалыч, так ты чего, ни разу на самолете не летал? Про парашют даже и не спрашиваю.

– Не довелось, – смущенно отвел тот взгляд. – И особого желания как-то не испытываю. Нет, ежели приказ будет – это одно, супротив приказа не попрешь, понятно, а вот по собственной инициативе? Увольте.

– Высоты боишься?

Батищев тяжело вздохнул:

– Да вот боюсь, признаться. Как ты выражаешься – аж до усрачки. Если выше третьего этажа поднимусь да из окна вниз взгляну – даже подташнивать легонько начинается. Доктор в нашем госпитале это как-то по-умному обозвал, «Высотобоязнь», что ли. Эдакая незадача... – и, видимо, поняв, что сказал лишнего, угрюмо насупился: – Так, все! Нечего зазря языками чесать!

– Да нечего, нечего, – примирительно хлопнул его по плечу Алексей, пряча улыбку. – Кстати, совершенно зря стесняешься, в моей роте после первого прыжка сразу двоих отсеяли. По причине этой самой высотобоязни.

– А как же они с парашютом-то сиганули? – искренне заинтересовался Батищев, в глубине души благодарный товарищу за поддержку.

– Так в том-то и дело, что не сиганули, – фыркнул десантник. – Как к десантному люку подошли – первый прыжок мы с Ми-8 делали, это вертолет такой, – так и все. Ступор, паника. Ну, в смысле, прыгать отказались. Не насильно ж их наружу выкидывать? Хотя до того ничего подобного за ними не наблюдалось, и полосу в числе первых проходили, и «крокодилы», и вышку-четвертак. Нормально все было. Но вот с настоящей высоты прыгнуть не смогли. Перевели по-тихому куда-то в наземные части.

На сей раз контрразведчик просто промолчал, многозначительно кивнув головой. Хотя и хотелось, конечно, узнать, что это еще за крокодилы с вертолетами такие. А вот с вышкой никаких особых вопросов не возникло: и так понятно, что парашютная, навряд ли тех, что в парках культуры и отдыха по линии ОСОАВИАХИМа стоят. Ну, а «четвертак» – это, видимо, высота, двадцать пять метров...

Интерлюдия

Москва, утро следующего дня

Народный комиссар внутренних дел устало помассировал натертую дужками пенсне переносицу. Хотелось нормально выспаться, однако сейчас подобное было поистине недостижимой роскошью. Впрочем, как и вчера, и позавчера... Привычный режим дня остался в далеком, теперь уже невероятно далеком прошлом, возврата к которому в ближайшие годы точно не будет. Поскольку победа «На вражьей земле малой кровью, могучим ударом» осталась не более чем словами довоенной песни из довоенного же кинофильма⁷.

Осталась в двадцать первом июня одна тысяча девятьсот сорок первого года.

Нет, всесильный нарком, разумеется, знал, что немцы нападут. И даже примерно знал, когда именно это произойдет, хоть доводимые разведкой и называемые многочисленными перебежчиками сроки и гуляли в достаточно широком диапазоне, от середины мая до середины же июля. Или даже начала августа.

Впрочем, большинство информаторов датой начала фашистской агрессии все же называло именно двадцатые числа июня. В конце весны гитлеровцы еще не были готовы, а тянуть до августа просто не могли – уж больно сложно объяснить сопредельной стороне огромное количество скопившихся на границе войск. Да и невозможно слишком долго держать на одном месте такую орду: три группы армий, «Север», «Центр» и «Юг», одних только дивизий в первом стратегическом эшелоне больше полутора сотен – не шутка, знаете ли!

Да и информация об участвовавших диверсиях в приграничных районах, хоть и с запозданием в несколько часов, но доходила. И даже название конкретного подразделения озвучивалось – полк особого назначения «Брандербург-800». Переодетые в форму бойцов РККА и сотрудников НКВД, прекрасно разговаривающие на русском языке, диверсанты действовали нагло, практически не скрываясь, что, стоит признать, порой лишь способствовало успеху. Резали провода, нападали на пограничников и командиров, устраивали диверсии на железной дороге, сеяли панику среди мирного населения, захватывали и удерживали до подхода основных сил мосты...

Руководство великой страны отлично понимало, что срок настал и изменить уже ничего нельзя, и готовилось к этому. В чем-то судорожно, в чем-то – с холодной злой решительностью, но готовилось. Из всех сил стараясь при этом, чтобы оные приготовления остались незамеченными до самого последнего момента.

Все необходимые директивы были разосланы, в нескораемых сейфах дожидались своего часа засургученные пакеты... они не успели всего ничего, самую малость. Но факт оставался фактом – они не успели. И потому сейчас имели то, что имели – полторы недели этого самого блицкрига. Всего полторы недели, шени дэда, но уже окончательно потеряны Гродно, Вильнюс, Луцк, Ровно, Минск, Львов и Рига, немцы рвутся к Киеву, Смоленску и Ленинграду! Не успели, прохлопали, понадеялись на русский авось...

Сильно, до боли сжав несколько раз веки, Лаврентий Павлович привычным усилием воли прогнал пораженческие мысли. Глупости все это, просто усталость – и не более того. Они победят, обязательно победят. Так победят, чтобы никому – вообще никому! – впредь даже мысль такая в голову прийти не могла, нападать на советскую страну! Образцово победят, показательно. Жаль только, пока непонятно, как быстро это произойдет, поскольку положение на фронтах, прямо скажем, аховое...

⁷ Песня из кинофильма «Если завтра война» (1938), автор слов – В. Лебедев-Кумач.

Отвлекись от невеселых мыслей, Берия опустил взгляд, раздраженно прихлопнул пухлой ладонью несколько лежащих на столешнице листов бумаги, покрытых убористыми машинописными строчками. Еще и ЭТО на его голову! И как, скажите на милость, к подобному относиться?! А самое главное – КАК докладывать Самому? И ведь отложить в ту самую хрестоматийную «дальнюю папку» никак не получится, поскольку информация поступила сразу от нескольких ведомств – тут и родные органы отметились, и ГРУ, и даже внешняя разведка. При чем, так уж совпало, сведения от всех трех источников пришли практически одновременно.

Наркомвнудел тяжело вздохнул.

Так как Иосиф Виссарионович уже наверняка в курсе, затягивать с докладом не стоит, поскольку не поймет. Итак, что мы имеем? В Белоруссии при невыясненных обстоятельствах убит генерал-полковник Гейнц Гудериан, командующий Второй танковой группой. После чего в этой же деревне практически полностью уничтожен целый танковый батальон из состава 28-го полка 18-й ТД. Приятно? Даже очень. Полезно? Еще как.

Вот только дальше начинается сушая нелепица: заслуживающий абсолютного доверия источник в Берлине сообщает, что произошло это с применением некоего неизвестного бесшумного оружия, с одинаковой легкостью поражающего и живую силу, и любую бронетехнику, вне зависимости от толщины брони. Виновной в разгроме считают русскую диверсионную группу. Сообщивший об этом немецкий контрразведчик, проводящий расследование гибели Гудериана, также докладывает, что имеет в распоряжении некий секретный электрический прибор, аналогов которому не существует в природе. Прибор, служащий для «дальней связи посредством радиоволн, а также в качестве миниатюрного телевизионного проигрывателя для просмотра цветных фотокарточек высочайшего разрешения, микрофильмов и топографических карт» – эту цитату из донесения фашистского контрразведчика берлинский агент передал без купюр.

После чего абверовец внезапно бесследно пропадает. Вместе с этим самым чудо-прибором, что любопытно.

Вроде бы ничего столь уж невероятного, чтобы погрузить в глубокую задумчивость целого народного комиссара. Вот только дальше все становится еще интереснее. Непонятная разведгруппа снова обнаруживается в районе Борисова, где наши войска из последних сил пытаются удержать несколько стратегических мостов через Березину. Если не удержать или, в крайнем случае, не уничтожить переправы, путь к Смоленску и далее к столице с наиболее выгодного стратегического направления вдоль шоссе Минск – Москва окажется свободен. Ведь именно сюда, согласно данным разведки, направлен один из основных ударов группы армий «Центр», успешно реализуемый 18-й ТД Второй танковой группы Гудериана!

Но мосты один за другим взлетают на воздух вместе с переправляющейся гитлеровской техникой и живой силой, пораженные тем же неведомым оружием, о котором сообщает в Берлин майор Ланге – именно так звали пропавшего абверовца. И не только мосты: заодно уничтожается и скопившаяся возле переправ бронетехника. Подобное тоже оказывается весьма кстати, поскольку войска второго стратегического эшелона ещё только прибывают на рубеж Орша – Могилев, и теперь у них появляется куда больше времени для развертывания.

Но и это еще не конец: огнем удивительного оружия сбивается как минимум полдесятка вражеских бомбардировщиков – по другим свидетельствам, и того больше, чуть ли не десять! Кстати, да, именно что «по свидетельствам»: информация однозначно и многократно подтверждена бойцами и командирами 1-й Московской мотострелковой дивизии полковника Крейзера и сводной группировки корпусного комиссара Сусайкова и полковника Лизюкова. И все – абсолютно все наблюдатели, в том числе и местные зенитчики! – сходятся в одном: непонятное оружие стреляло абсолютно бесшумно, выбрасывая нечто вроде коротких «лучей смерти» из научно-фантастического романа советского писателя Алексея Толстого! Которые с одина-

ковой эффективностью поражали и танки, и самолеты, и пехоту. Очень, очень любопытно... и непонятно...

Народный комиссар усмехнулся – как там Бисмарк говорил: «Врут после охоты и перед выборами, но нигде не врут так, как на войне»?⁸ Вот то-то и оно. Если даже зенитчики, вместо того чтобы записать сбитых на свой счёт, честно доложили о стрельбе неизвестных лиц из неизвестного оружия, значит, там действительно произошло нечто совершенно необычное.

Лаврентий Павлович коротко встряхнул головой: ну не марсиане же они, в самом-то деле, эти самые «секретные диверсанты»?! Не из космоса же прилетели?!

Тяжело вздохнув, народный комиссар пробежал взглядом последний машинописный лист.

Переданное советским агентом сообщение из Берлина может оказаться дезинформацией или элементом многоходовой игры вражеской контрразведки.

Измотанные многодневными боями в районе Борисова красноармейцы могут искренне заблуждаться, подсознательно выдавая желаемое за действительное («Ну да, ну да, прямо все несколько десятков опрошенных сразу!») – иронично хмыкнуло второе «я»).

Но вот ЭТО уж точно не объяснишь ни запредельной усталостью, ни фашистской фальшивкой. Да, собственно, вовсе ничем, пожалуй, не объяснишь!

Поскольку вышедший вчерашней ночью из вражеского окружения с неполной сотней красноармейцев генерал-майор Макаров немедленно потребовал встречи с начальником особого отдела армии. Будучи доставлен в штаб, он под протокол сообщил, что сводный отряд под его командованием в лесах в районе села Гливин вошел в контакт с некой «секретной группой ОСНАЗ из далекого будущего, направленной сюда с целью передать в Москву информацию особой государственной важности». При этом Петр Григорьевич особо подчеркивал, что получил исчерпывающие доказательства «иновременного» происхождения осназовцев, и никаких сомнений в последнем не испытывает.

Также бывший замкомандующего 11-го мехкорпуса сообщил, что его бойцами был задержан агент Абвера майор Рудольф Ланге, при котором находился уникальный электронный – именно так, «электронный», а не «электрический», автоматически отметил Берия – прибор. В конечном итоге и пленный, и прибор были добровольно переданы им командиру группы ОСНАЗ «для дальнейшей отправки в Москву».

При помощи неведомых диверсантов разгромив передовой отряд 17-й ТД и уничтожив наведенную противником понтонную переправу, сводный отряд переправился на восточный берег и двинулся на соединение с регулярными частями РККА. При этом осназовцы, воспользовавшись личным ключом пленного контрразведчика, вызвали по радио немецкие бомбардировщики, которые и довершили разгром собственных войск. От реки уходили по отдельности, так что объяснить, куда подевались «секретные диверсанты», Макаров не смог, сообщив, что они ему не подчиняются и действуют по своему плану.

Местный особист попытался было надавить, вполне обоснованно предположив, что сообщение о гостях из далекого будущего – не более чем бред воспаленного воображения, но генерал-майор твердо заявил, что более никаких подробностей раскрывать не вправе, а вопрос «верить – не верить» – его личные проблемы. Но обо всем остальном, ввиду особой важности информации, он расскажет исключительно в Москве. Причем не абы кому, а либо народному комиссару внутренних дел, либо маршалу Тимошенко, либо самому товарищу Сталину. В противном же случае вся ответственность ляжет исключительно на плечи проявившего преступную недалекость контрразведчика.

⁸ Данная фраза действительно приписывается рейхсканцлеру Германской империи Отто фон Бисмарку. Но не менее известна и другая крылатая фраза, якобы являющаяся любимой поговоркой легендарного партизана Сидора Артемьевича Ковпака: «Ніде так не брешуть, як на полюванні, риболовлі та на війні» («Нигде так не врут, как на охоте, рыбалке и на войне»). Понятно, что слышать об этом летом 1941 года товарищ Берия никак не мог.

Разумеется, оказываться крайним тот не захотел, и сейчас генерал-майор уже летел в столицу – прибытие самолета ожидалось в течение ближайшей пары часов.

Лаврентий Павлович ненадолго задумался. Дождаться прибытия Макарова? Пожалуй, нет. Не стоит откладывать доклад, даже недолгая задержка может быть неверно истолкована Вождем. А вот отправить навстречу «гостям» группу особого назначения определенно стоит, у Судоплатова подходящие люди имеются, особая группа⁹ для этого и создана. Поглядим, что там за осназовцы из будущего такие! И чем они лучше наших бойцов.

Поколебавшись еще несколько мгновений, наркомвнудел решительно поднял трубку внутреннего телефона и отдал необходимые распоряжения, после чего вызвал машину...

⁹ Особая группа НКВД СССР, создана 5 июля 1941 года, упразднена 3 сентября. В описываемый период – специальное разведывательно-диверсионное подразделение для действий в тылу противника под руководством комиссара госбезопасности П.А. Судоплатова. С октября 1941 года подразделения особой группы НКВД переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН).

Глава 4

Когда остановились на ночную стоянку, десантник вроде бы случайно подсел к Бергу. Идти и дальше было попросту нерационально, поскольку окончательно стемнело, да и устали все порядком, даже космодесантники. Как совсем недавно размышлял Леха, путешествие по ночному лесу ничем хорошим закончиться не могло по определению. Тем более место подыскали подходящее, и вода в виде небольшого ручейка имеется, и окружающие заросли надежно скрывают импровизированный лагерь от ненужных глаз.

Переведя канал в закрытый режим, Степанов без экивоков осведомился:

– Йохан, вопрос всего один – что в эфире? Конкретно, что слышно насчет той зондеркоманды?

Космодесантник пожал плечами:

– Леха, ну и какого ответа ты ждешь? Эфир я пасу, разумеется, но там сплошная солянка. Попробую запустить сортировщик по заданным параметрам, возможно, что-нибудь получится. Насколько это вообще принципиально?

– Да кто ж его знает, коллега... – совершенно искренне сообщил Степанов. – Просто, понимаешь, на душе беспокойно, скребет что-то. У меня батя два срока «за речкой» оттарабанил... – заметив на лице собеседника непонимание, пояснил. – На войне, в смысле. Необъявленной, так сказать. Официально мы там местным аборигенам счастливую жизнь налаживать помогали и прочим интернационализмом занимались, а на самом деле каждый месяц борты с «двухсотыми» в Союз шли.

Сержант понимающе кивнул:

– Знакомое дело. Ты даже не представляешь, сколько мы раз оказывались в положении «ихтутнебыло». И ничего, выживали и возвращались... не все, понятно. Ну и?

– Он про ту войну почти никогда не вспоминал, даже если я напрямую спрашивал. Уходил от ответа. Но иногда говорил, что если вдруг покажется, будто что-то не так – значит, точно что-то не так. Он подобное «чуйкой» называл. Или «жопокрутом». Вот и сейчас зудит у меня что-то, словно предупреждает. Батищеву даже говорить не хочу, сразу не поймет, а объяснять неохота. Но что именно меня тревожит – не врубаюсь, хоть тресни...

– Трескать не нужно, не поможет, – невесело усмехнулся спецназовец, как ни странно, прекрасно уловивший суть незнакомой идиомы. – Но я тебя понял. Сейчас перенастроюсь, вот только, как мне кажется, стоит с пленным поговорить. Нужны хоть какие-то ключевые слова: названия подразделений, имена командиров – короче, любые подробности. Это поможет настроить параметры автопоиска. Остальное чип сам сделает. Уловил?

– Как два пальца, – задумчиво пробормотал Алексей, прикидывая, насколько хер майор может оказаться полезным. А ведь может, очень даже может, морда фашистская! Хоть и не факт, конечно. Собственно, сейчас и проверим...

Отозвав в сторонку Батищева, десантник вкратце озвучил свои мысли, заодно обрисовав тому задачу. Особист все понял с ходу, так что Леха зря переживал:

– О чем речь, разведка, сейчас приведу фрица, поспрашиваем. Автоматический перевод – это, конечно, здорово, но я уж лучше по-старинке, так оно надежнее как-то. Как ты там говорил, живое общение, а?

Запираться Ланге, понятно, не стал – с чего бы? Скорее даже наоборот, воспрянул духом – вот он и снова стал нужен, что не может не радовать. Поскольку в его нынешнем положении все достаточно просто: пока в нем (точнее, в информации, которой он владеет) заинтересованы, он жив и здоров. В противном случае пришельцы из будущего вполне могут решить, что и дальше тащить с собой пленного нерационально. А умирать майору Abwehrkommando-3 совершенно не хотелось.

Особенно сейчас, когда Рудольф получил столько поистине бесценной информации, по сравнению с которой даже разработки горячо любимой и лелеемой фюрером Ahnenerbe – не более чем мистический бред. Каковым, вероятнее всего, и является, как бы ни надували щеки все эти создатели «новой религии», представляющей собой чудовищное варево из древнегерманской мифологии, «не отравленного еврейским влиянием» христианства и неких вовсе уж бредовых оккультных методик.

С точки зрения Ланге, которую он, разумеется, держал исключительно при себе, в тридцать шестом рейхсфюрер Гиммлер абсолютно зря ввел попавшее в опалу общество в состав СС, а перед самой войной еще и занял пост президента. Впрочем, внутренними делами «Наследия»¹⁰ он никогда всерьез не интересовался, а уж сейчас – и подавно. Хотя бы потому, что предки, какими бы легендарными они ни были, уже не актуальны: ему удалось увидеть ПОТОМКОВ, что несравнимо круче! И куда, куда как перспективнее...

Хотя заданный контрразведчиком вопрос Рудольфа порядком удивил: с чего вдруг русские заинтересовались карателями из айнзацгруппы? Никакой опасности последние не представляют, особенно, учитывая поистине поражающее воображение оружие kosmodesanta. Да и евреев – Ланге мысленно ухмыльнулся – среди них определенно не имеется.

Впрочем, своего любопытства майор никак не выдал:

– Да, господин капитан, кое-что я знаю, хоть и немного. Это подразделение зондеркоманды 7b под руководством штурмбанфюрера СС Гюнтера Рауша. Входит в состав айнзацгруппы В, работающей в зоне действий группы армий «Центр» в Белоруссии. Общая численность – около семисот человек, командир – группенфюрер СС Артур Небе. Каждая зондеркоманда делится на подкоманды численностью порядка двух-трех десятков человек. Не менее трети состава каждой группы – бойцы СС, это наиболее подготовленные к боевым действиям солдаты. Полагаю, что в данной конкретной ситуации интересующий вас отряд мог быть укомплектован в основном именно ими. Собственно, это все, что мне известно. Кто именно командует данным отрядом, я не знаю и знать не могу. К сожалению.

– Возможно, радиопозывные?

– Увы, господин капитан, – абверовец совершенно искренне пожал плечами. – Поверьте, я ничего не скрываю. Просто не в курсе. Мое ведомство с ними пока никак не пересекалось. Утром мне сообщили, что проводимому мной расследованию присвоен высший приоритет, однако следственная группа расширенного состава не прибудет раньше вечера ввиду неких особых обстоятельств...

Наткнувшись на тяжелый взгляд контрразведчика, Рудольф заметно заволновался и торопливо пояснил:

– Слово офицера, все так и было! Никаких пояснений я не получал, вообще никаких! Мне только сообщили, что в известный вам район срочно перебрасывается зондеркоманда, целью которой является недопущение утечки сверхсекретной информации. И это все, что я знаю, клянусь!

Поколебавшись еще несколько мгновений, Ланге на всякий случай добавил:

– И уверяю вас, господин капитан, я категорически не одобряю их методы, *гм, работы* с местным населением! Я разведчик, а не палач! И отнюдь не из какого-то мнимого гуманизма или чистоплюйства. Моя работа тоже порой весьма дурно пахнет, и отнюдь не французскими духами. Просто из циничного расчёта: для этих... карателей местное население – только объект «особого обращения», а для меня – потенциальные источники информации или агентура, пригодная для самых разных целей. Господин капитан, мы ведь с вами практически коллеги, занимаемся примерно одним и тем же, значит, вы должны понять.

¹⁰ Ahnenerbe (нем.) – «Наследие предков».

– Нашел тоже, понимаешь, коллегу, – зло буркнул Батищев, с трудом удержавшись, чтобы не плюнуть пленному под ноги. Контрразведчик уже достаточно спокойно воспринимал обращение «господин капитан», но вот прозвучавшее сравнение едва не вывело его из себя. Впрочем, сдержался, разумеется.

– Дальше?

– Дальше я понял, что в игру вступила имперская безопасность, и решил предпринять некоторые шаги для спасения своей жизни и ценного прибора. Остальное вы знаете. Поверьте, я искренен, господин капитан!

– Как ни странно, верю, – поморщился особист. – Как седалище подгорать стало, так и рванул куда подальше...

– Простите, – захлопал глазами абверовец. – Не совсем понимаю. Что такое sedalishe?

– Неважно, – отрезал тот, переглянувшись с Лехой и Бергом. – Ну?

– Негусто, – пожал плечами спецназовец. – Попробую, конечно, пробить по названию подразделения и имени командира, но ничего не обещаю. Критично мало информации. Хотя все записи радиообмена за сутки чип записал, возможно, поиск по массиву что-то и даст. Сейчас займусь.

– Добро. Все, фриц, отдыхай пока. Завтра поглядим, что да как.

С помощью Степанова поднимаясь с земли, майор неожиданно спросил:

– Разрешите вопрос, господин капитан?

– Чего тебе еще? – дернул щекой Батищев. – Говори!

– Этот боец... я правильно понял, что его зовут Берг? Йохан Берг, я слышал, как вы его называли? Он немец?

Ответил контрразведчик с трудом скрываемым удовольствием:

– Еще какой немец, таких еще поискать! Чистокровный, можно сказать!

– И он сражается за вас? – мысленно выругав себя за то, что определенно подставляется, не сдержался Ланге.

– Сражается, – согласился Иван Михайлович. – И отлично сражается! Видал бы ты, как он ваши танки жег – любо-дорого поглядеть! Ни одного промаха. Вот такие дела.

– И...

– И все! – отрезал Алексей, легонько подталкивая пленного в спину. – Нихт ферштейн, гитлер капут, зир гут, берлиненштрассе. Двигай давай, ужин остывает. Да и баиньки пора.

И уже уходя, смерил Батищева выразительным взглядом: «мол, ну и на хрена»?

Контрразведчик же расплылся в широкой, на все тридцать два давно не чищенных зуба, улыбке...

* * *

От несения ночной караульной службы «местных аборигенов», к числу которых как-то незаметно отнесли не только Батищева с летуном, но и Леху с Савушкиной, освободили. Спецназовцы, как ни крути, были лучше подготовлены и физически, и, что особо важно, технически. Степанов, собственно, и не спорил, прекрасно понимая, что так будет лучше. Во всех смыслах. Да и умаялся он за эти дни неслабо, честно говоря. Одно, пусть и недолгое, пребывание в плену и ранение чего стоило.

Пожинав и умывшись – старым привычкам десантник решил не изменять, вдоволь поплескавшись в ручье (и еще почти полчаса сторожил Ирку, занимавшуюся тем же самым) – после чего завалился на боковую. Причем, как бы это помягче сформулировать, отнюдь не в гордом одиночестве. Поскольку спать отдельно девушка отказалась категорически. При этом, впрочем, чуть смущенно добавив, что ничего *эдакого* в виду не имеется и не предвидится, просто ей страшно... и вообще. Что подразумевалось под «вообще», Леха так и не понял, но

выяснять или тем паче спорить на всякий случай не стал. Незаметно показав кулак летуну, делавшему какие-то весьма недвусмысленные знаки, Алексей молча утянул Иру за небольшой куст, дающий хоть какую-то иллюзию уединения. Не для него, понятно, для Савушкиной, все ж таки одни мужики кругом.

Без особых проблем справившись с будущанским спальником, десантник упаковал внутрь практикантку, расположившись рядом, благо прогреть костром землю или рубить лапник больше необходимости не было. Со слов Локтева, спальный мешок способен обеспечить комфортные условия даже при двадцатиградусном морозе. Мысленно ухмыльнувшись этой самой «практикантке» – да уж, полевую практику Ирина получила, что надо, врагу не пожелаешь! – Леха собрался было отправиться в царство Морфея... но, как выяснилось, не тут-то было.

Савушкину внезапно пробило на разговор: сказывалось чудовищное напряжение крайних суток. Некоторое время парень выслушивал произносимые достаточно громким шепотом откровения в духе «как ей было страшно», «какие эти фрицы козлы безрогие» и «почему он, зараза эдакая, сразу не пришел на помощь и всех не поубивал на фиг». Затем не выдержал и, пододвинувшись вплотную (спецназовский спальник оказался эргономичным, способным менять форму в зависимости от пожелания владельца), сообщил, что, во-первых, давно пора спать, а во-вторых, их сейчас весь лагерь слышит. Врал, конечно, поскольку гарнитуру он, понятное дело, отключил.

Сдавленно охнув, технически куда менее подкованная Савушкина мгновенно замолчала, демонстративно повернувшись на бок, спиной к парню. И мгновенно заснула, словно кто-то щелкнул невидимым выключателем. Леха же широко улыбнулся. Ну вот и здорово, вот и справились. Эх, в другой бы ситуации! Да хоть в той экспедиции по уральским предгорьям, с которой все и завертелось! Честное слово, утащил бы девчонку в палатку, всеми правдами и неправдами спровадив товарищей (двое геологов в Иркиной китайской одноместке на одну ночь вполне поместятся, бывало, что и впятером в «Трешку» набивались, проблем-то), да и...

О том, что последовало бы за этим самым многозначительно-многообещающим «и», Алексей старался не думать. От слова совсем. Поскольку нельзя на войне о подобном размышлять, расслабляет. Но что потом женился бы – без вариантов! Да и мамка была бы рада, уж который год ждет от сына судьбоносных подвижек в личной жизни...

Старший лейтенант Локтев, проверив посты, привычно забрался в спальный мешок. Магнитная застежка бесшумно скользнула по направляющим, и спальник автоматически принял наиболее подходящую конфигурацию, подстраиваясь под анатомию пользователя и рельеф грунта. Все, можно отрубиться, желательно поскорее, поскольку вставать в четыре часа – как любой нормальный командир, для собственного дежурства он, разумеется, выбрал самое паршивое, предрассветное время.

Уже засыпая, старлей вяло подумал, что завтра нужно будет не забыть приватно шепнуть Степанову, что следует делать для полного отключения радиогарнитуры...

* * *

В первый момент Леха даже не понял, что именно его разбудило. Сквозь сон показалось, будто будущанский спальник внезапно оказался куда более продвинутым, нежели ожидалось, и включил режим вибрационного массажа, легкими тычками подбрасывая тело над землей. Улыбнувшись дурацкой мысли, десантник проснулся окончательно. Почва мелко подрагивала, до слуха доносились скраденные расстоянием удары не особенно далеких взрывов. Вот так ни фига себе, это еще чего такое? Немецкий прорыв? Бомбардировка? Похоже, последнее, поскольку в светлеющем рассветном небе достаточно отчетливо зудят авиационные моторы. Впрочем, одно другому никоим образом не мешает. И на данный момент понятно только

одно: буквально в нескольких километрах отсюда Люфтваффе весьма активно отрабатывает по какой-то наземной цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.